

Yours truly
F. Hartmann

Практические наставления для изучающих оккультизм

Перевод на русский: Базюкин В.В.

Под таким заголовком мы предлагаем вниманию читателей цикл статей, которые могут помочь всем, кто изучает оккультизм, и направят их усилия по получению оккультных знаний и сил в верном направлении. Эти “наставления” называются “практическими”, потому что не должны рассматриваться как чисто “теоретические” рассуждения, но должны применяться на практике, то есть воплощаться в повседневной жизни.

I. Свобода

Освобождение и развитие

“При посвящении у неопита не должно оставаться ни единого чувства привязанности, ни единого желания, которые притягивали бы его к миру”.

Булвер-Литтон, “Занони”

Принято полагать, что любой изучающий практический оккультизм человек должен первым делом отречься от всякой “мирской суеты”. Тем не менее, из этих слов вовсе не следует, будто ради подобной цели ему потребуется порвать все свои родственные связи, позабыть о средствах к существованию, сторониться человеческого общества, превратиться в такого мизантропа и наконец удалиться в пещеру или джунгли, чтобы предаваться и там, вероятно, всё тем же самым болезненным фантазиям и каждую минуту внутренне тянуться ко всему тому, от чего он уже якобы отрёкся, но отказался лишь чисто внешне.

Нет, он вполне может продолжать жить и в миру, оставаясь при этом не от мира сего. Своим телом и умом он может продолжать более-менее активно участвовать в текущих делах повседневной жизни, но одновременно с этим и ежеминутно упражнять свои духовные способности. Как конкретно взятая *“личность”* он может находиться в самой гуще мира, но духовно при этом как бы парить над ним.

Наряду с физическим телом у человека имеются ещё два набора способностей: интеллектуальных и духовных, и их силы находятся в тесной взаимосвязанности и взаимодействии. Если все свои интеллектуальные силы человек устремляет на один лишь физический план бытия и употребляет на удовлетворение одних лишь материальных потребностей, то он превращается в типичного эгоиста-материалиста. Он как бы концентрирует все свои силы в одном узком фокусе, собственной персоне, и чем сильнее он их концентрирует, тем уже становится этот фокус, тем мельче и себялюбивее становится человек: он просто не видит то целое, в котором он на самом деле присутствует лишь в качестве ничтожно малой и незначительной частицы.

С другой стороны, если он слишком рано попытается направить свой дух в область неведомого – то есть когда он ещё не развил и не расширил в достаточной мере свой интеллект, который мог бы служить твёрдым фундаментом для его духовности, – то, подобно тени, он лишь будет блуждать по разбросанным в бесконечности сферам, только наблюдая со стороны духовные явления и при этом не умея их верно осмыслить. В этом случае он может превратиться в бестолкового чудака, в суеверного фанатика или мечтателя. Чрезмерно быстрое развитие в одном направлении, происходящее в ущерб пропорциональному росту в другом, вредит успешному продвижению вперёд ученика-окультиста. Вот почему нужно чётко различать эти два направления и развивать интеллектуальные и духовные способности в равной пропорции.

“Отречение от мира” вовсе не означает, будто отныне человек должен с презрением относиться к достижениям науки, ничего не знать ни о математике, ни о философии, не интересоваться ходом развития всего человечества, сложить с себя все обязанности, которые мы должны выполнять в той среде, в которой родились и живём, и пренебрегать теми людьми, которые окружают нас по жизни. Нет, на самом деле слова эти означают то, что человеку необходимо отречься от эгоизма, от любви к самому себе, к этому первейшему ангелу зла. Как сказано у Эдвина Арнольда,

“Трех Себялюбья – “Я”, что в целом мирозданье,
Как в зеркале, зрит лишь черты себя, любимой”.
“Я!” – вопиет она, и мир вторить мне должен: “Я”!
Пускай погибнет всё, одно лишь “Я” пусть дышит!”

Отказ от эгоизма неизбежно сопровождается духовным ростом.

Таким образом, помимо всего прочего, ученик-окультист должен в первую очередь освободиться от идеи “личности”. Иными словами, он должен начинать с того, чтобы как можно меньше внимания уделять “личностям”, всему личностному, в том числе и личностным чувствам. Он должен забыть само это слово, “я”. Он должен перестать смотреть на свою жизнь как на нечто постоянное, неизменное и неизменяемое; как на нечто, наглухо отрезанное от остальных, таких же наглухо отрезанных от него, сущностей, и считать, будто она отгорожена от них непроницаемой стеной. Наоборот, он должен смотреть на себя как на неотрывную частицу той бесконечной энергии, которая охватывает собой всю Вселенную и разнообразные силы которой сосредоточены и сфокусированы в том теле, в котором он сейчас лишь временно обитает. Причём в тело это непрерывно вливаются и из тела этого ежеминутно изливаются лучи той бесконечной сферы света, окружность которой бесконечна (не существует нигде), а центр которой – везде.

Чтобы прояснить эту мысль, давайте рассмотрим природу человека как совокупность трёх различных аспектов.

I. Как уже неоднократно было доказано, физическое тело человека не может являться реальной и постоянной индивидуальной сущностью. Мы не можем ни видеть, ни слышать, ни ощущать его, поскольку всё, что мы чувствуем, – это лишь эффекты, результаты его жизнедеятельности. Иными словами, мы ощущаем лишь вибрации, конволюции, сил: эти силы, воздействуя на наши органы чувств, производят определённые “ментальные впечатления”, а уж последние, воспринятые и переработанные интеллектом, затем и формируют наше сознание.

Кроме того, все составляющие этого временного тела претерпевают постоянное изменение в силу не прекращающихся процессов “ассимиляции” и “элиминации”. [4] Одни ткани исчезают (и скорость этого процесса определяется особенностями их природы), а на их месте нарастают другие, которые со временем также заменяются на новые – и процесс этот нескончаемо продолжается в течение всей жизни. Да и в форме самого физического тела нет никакого постоянства.

С возрастом оно изменяется по своей величине, очертаниям и плотности: тело пышущего здоровьем младенца, а потом и юноши, превращается в крепкое телосложение мужчины или в прекрасную грациозную фигуру женщины, чтобы в конце концов завершиться немощной дряхлостью старости – предвестника разложения, смерти и гниения.

II. Итак, физическое тело не является постоянной индивидуальной сущностью. Ну, а что же ум, интеллект? Может быть, он является такой сущностью?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте сперва разберёмся, а что эти слова, собственно говоря, обозначают?

Интеллект в соединении с волей представляет собой такую активную силу, с помощью которой все ментальные впечатления, поступающие из внешнего мира через органы чувств, сводятся воедино как бы в некий общий центр, фокус, и, удерживаемые в течение какого-то времени вместе “памятью”, используются для решения определённых задач и для достижения каких-то целей.

Под “памятью” же понимается такая пассивная сила, с помощью которой неизгладимые впечатления, производимые мыслью в астральном свете, акаше, обретают формы и сохраняются в сфокусированном состоянии.

Однако с течением времени изменения происходят и в воспринятых ранее впечатлениях. Новые впечатления приходят на смену старым, воля постепенно слабеет и уже не может более удерживать их воедино, память тускнеет, а интеллект начинает действовать, используя иные средства и способы. У любого взрослого человека представления об окружающем мире уже совсем не такие, какими они были у него в пору его детства; то, что кажется ему разумным сегодня, завтра уже может показаться ему полным вздором.

Кроме того, наши идеалы добра и зла, как и наши религиозно-философские взгляды, могут принимать самую разнообразную окраску в зависимости от образа мышления, преобладающего в стране, в которой мы живём, и господствующих там влияний. Интеллект рождается, растёт и развивается в процессе изменения, и, хотя в этом процессе могут случаться задержки или он может растягиваться на какой угодно период, тем не менее, и интеллект также претерпевает изменения, сходные с изменением физического тела, а стало быть, ум также не может считаться постоянной индивидуальной сущностью.

III. И здесь мы подходим к рассмотрению наивысших принципов человека – духовной души и духа. У большинства людей шестой принцип представлен лишь в виде зачатка, и многие пока даже не сознают его наличия.

А значит, его и вовсе нельзя считать какой бы то ни было индивидуальной сущностью. Но вот здесь-то как раз и существует одно важное исключение: те редкие случаи, когда в сочетании с наивысшими частицами “ума” этот принцип обретает способность к росту и слиянию с седьмым, *“единой жизнью”* – единым и вечным мировым духом. Этот божественный дух представляет собой неделимую на отдельные части *“единицу”*, и его невозможно *“закачать”* в различные индивиды-*“личности”*, как мы обычно разливаем воду по отдельным бутылкам. Божественный дух не может быть *“доставлен”* этим *“личностям”* вниз – наоборот, это они должны дорасти до него.

И чем выше они растут, тем всё шире и шире становится диапазон их ментальных и духовных способностей. И чем теснее они соприкасаются с этим принципом, тем органичнее сливаются с ним, так что в конце концов каждый *“индивидуальный”* дух оказывается потенциально способным объять собою весь универсум, ибо теперь единое Всё заключает его в себе ровно в той же мере, в какой и он заключает в себе это единое Всё.

Если изложенное верно, то из этого следует, что жизнедеятельность человека ни в коей мере не ограничивается пределами одного лишь его материального тела. Наоборот, она должна распространяться по всему пространству. И к концу своего цикла эволюции человек будет уже озарять собою всё пространство так же, как сегодня озаряют его собою духовные лучи этого пространства, и сила его собственного света будет пропорциональна его способности привлекать к себе указанный свет пространства.

Человек представляет собой такой центр сил, в котором сливаются воедино лучи универсума. В этом-то центре и начинает действовать Иллюзия, но действует она лишь в пределах этого центра. Здесь следствия ошибочно принимаются за причины, а фантазмагория мнимостей принимается за реальность. Упиваясь восторгом, ум копаются в таких причинах, которые производят на свет одни лишь галлюцинации. Здесь рождаются желания, для которых не существует никакой реальной необходимости.

Как лучи нашего солнца способны отражаться от тусклой поверхности самого заурядного камешка или, преломившись от поверхности устричной раковины, создают многокрасочную радуу цветов и оттенков, которые играют и пляшут во всём своём неповторимом многоцветье лишь пока на эту раковину падают лучи солнца, так и исходящие от объективного мира лучи, протекая через наши органы чувств, отражаются в зеркале нашего ума лишь в виде порождённых этими органами чувств образов – так и возникают фантомы и заблуждения, иллюзии и желания, которые заполняются, к тому же, ещё и продуктами его [ума] собственного воображения.

Вот почему наипервейший долг истинного теософа состоит в том, чтобы, пользуясь божественным светом духа, отличать реальное от нереального, истинное от ложного. И, выполняя этот свой долг, он неизбежно обнаружит, что любовь к себе – всего лишь иллюзия, что никакого постоянного, реального “я” и никакого обособленного индивидуального бытия на самом деле не существует, а есть лишь такое бытие, которое объемлет собою всё человечество. И как только он глубоко осознает эту мысль и с готовностью позволит своей “личности” умереть и исчезнуть без следа, вот тогда-то и забрезжит в нём рассвет вечной жизни духовного сознания и начнётся его бессмертие как неотъемлемая и индивидуальная форма всемирного духа.

У Булвер-Литтона в “Занони” высказана одна важная мысль: *“Главным требованием для свершения всего великого и возвышенного является ясное восприятие истин”*. Как следует из тех фрагментов истины, что были по-разному высказаны в течение веков и намёки, на которые содержатся в самых разных “священных” книгах, – а в самое последнее время они ещё раз были разъяснены нам в своём подлинно эзотерическом смысле и языком, более подходящем для нашего времени и более нам понятном, – по мере нисхождения духа в материю универсальная духовная монада [5] сначала претерпевает дифференциацию в животном царстве. Иными словами, она расщепляется на ряд лучей различной окраски (различных характеристик), которые осеняют собой сначала целые группы и виды, а далее, на более высоком уровне, и их конкретные “личности”.

И своей вершины этот процесс дифференциации, обособления, достигает в человеке. [6]

На этом этапе начинается её [универсальной духовной монады] повторное восхождение, но теперь она уже выступает не в роли пассивного луча всемирного духа. Нет, теперь она уже способна к активной деятельности, в которой участие принимают также и те части низшего принципа личности [7], которые оказались в состоянии слиться с ней воедино. Собственно, дух при этом остаётся неизменным как в нисходящем, так и в восходящем луче, и один и тот же дух присутствует в каждом *“индивиде”*.

Но при его восхождении каждый такой луч приобретает свой особый оттенок, окрашиваемый *“личностью”* конкретного *“индивида”* (высшими частями пятого принципа). Чем шире развернулся интеллект [при жизни *“индивида”* – перев.], тем больше его сможет последовать за устремлённым вверх духом, придавая ему особый характер (оттенок).

В тех же случаях, когда интеллектуальное развитие оказывается заторможено или весь развившийся интеллект оказывается истрачен на достижение сугубо материальных или *“личных”* целей, то соответственно уменьшается и тот его *“объём”*, который мог бы соединиться с духовным лучом.

Чистый дух в таких случаях окажется гол – то есть он не обретёт должных интеллектуальных одежд и должной активной силы, а потому и будет принужден либо вернуться к своему изначальному состоянию, либо возвратиться на землю за новой порцией манаса.

Но чем выше степень развития интеллекта и чем шире интеллекту удаётся развернуться, тем более твёрдую почву будут находить для себя духовное состояние и духовное сознание, и тогда дух, наделённый божественными способностями к Мудрости и Любви, устремится в бесконечный океан вселенной и окажется в силах охватить в своей потенциальности Всё.

Теперь в сознании начинающего оккультиста начинают проявлять себя некоторые изменения. Теперь, когда он достиг этой стадии развития, он уже смотрит на собственную *“личность”* как на нечто ничтожное. Теперь в этом свете ему представляется столь же малозначительной и мелкой не только его собственная, но и любая другая *“личность”*. Человек представляется ему лишь средоточием, *“централизацией”* некой идеи.

Человечество в целом теперь видится ему лишь совокупностью песчинок, принесённых на берега какого-то беспредельного океана. Богатство, слава, любовь, роскошь и пр. начинают казаться ему лишь мыльными пузырями, и он без колебаний отбрасывает их от себя как бесполезные детские игрушки.

И подобное отречение даже трудно назвать собственно *“жертвой”*, ведь не скажем же мы, что дети, достигая определённого возраста, приносят какую-то *“жертву”*, когда вдруг теряют интерес к своим когда-то любимым игрушечным пистолетам и куклам – те им становятся просто не нужны. Так по мере расширения сознания они начинают обращаться к чему-то более полезному, а с расширением духовного восприятия всё окружение человека и даже планета, на которой он живёт, начинают казаться ему чем-то малым – как пейзаж, когда мы смотрим на него с огромного расстояния или с высокой горы.

И в то же самое время то бесконечное, что окружает его со всех сторон, начинает представляться ему всё шире и крупнее, пока не принимает совершенно гигантских размеров.

Ощущение, вызываемое таким расширением сознания, является подлинным созерцанием, которое потенциально способно достичь степени *“экстаза”* или *“транса”*. Подобное расширение нашего бытия *“лишает нас родного края и отчего дома”*, [8] поскольку превращает нас в граждан великой вселенной, вынимает из узких рамок *“реального”* и возносит в беспредельное царство идеального, а высвобождая человека из узилища смертной оболочки, неуклонно ведёт нас к неземной красоте вечной вселенской жизни.

Но *“зеркало души не может отражать в себе одновременно и земное, и небесное, а потому одно тут же исчезает с его поверхности, как только второе начинает запечатлеваться в его глубинах”*. [9] И как же в этом случае достичь этого великого отречения от собственного “я”? Как достичь такого расширения сферы духа?

Существует одно *“волшебное”* слово, которое может послужить ключом к тем дверям, за которыми зарыты духовные, интеллектуальные и материальные сокровища – такие сокровища, которые и позволят нам обрести власть над всем видимым и невидимым. Слово это – решимость. Если мы хотим свершить что-то действительно великое, то все свои стремления мы должны уметь подчинять этой цели. Неважно, ведёт ли эта цель ко благу или ко злу, следствие здесь всегда соразмерно причине.

Сила воли поистине всемогуща, но ввести её в действие мы можем только с помощью твёрдой, неколебимой решимости и устремлённости к цели. Колебания воли не приведут ни к чему. Если сердце трепещет подлым страхом перед перспективой отказа от всех прежних привычек, побуждений и желаний, если человек страшится борьбы со своими страстями и не уверен, что одержит над ними верх, если он остаётся рабом собственного “я” и трусливо цепляется за химеры жизни, то он неспособен свершить ничего.

Не пороки прицепляются к человеку, это человек прицепляется к ним и при этом боится разжать свою хватку либо из-за того, что слишком переоценивает их значение и полезность, либо воображая, будто в противном случае его иллюзорное “я” провалится в бездонное, бесконечное “ничто” и вдребезги разобьётся там, внизу, о рисующиеся в его фантазии скалы.

И только тот, кто готов к *“личностной”* смерти, способен по-настоящему жить, и, лишь усмирив свои личные чувства и желания, человек способен обрести подлинное бессмертие.

Как может тот, кто не властен над собой, властвовать над другими? Раб, мечтающий стать хозяином, сначала должен сам стать свободным, а свобода обретается лишь решимостью и активной волей.

Адептами не рождаются, человек должен дорасти до этого уровня ценою собственных усилий. Тот, кто погружается в глубины земли, перестаёт видеть солнце, а утонувший в материи уж не способен к восприятию духа. Тот, кто по рукам и ногам связан путами ложных идей и представлений, кто цепями прикован к пустым предрассудкам, тот не может созерцать истину.

Однако старые идеи, пристрастия и представления не сдаются без боя. И это естественно, ведь мы вырастаем вместе с ними, мы к ним привыкаем, и нам больно видеть, как они умирают – это равносильно тому, что терять близких родных и друзей.

А зачастую все они – наши же собственные дети. Мы сами же и являемся их родными или приёмными родителями, кормилицами, воспитателями и учителями. Долгие годы они являлись нашими неразлучными спутниками, и теперь нам тяжело прогнать их прочь – нам кажется это делом жестоким и даже святотатственным.

Они взывают о милосердии и, однажды прогнанные, возвращаются вновь, шумно требуя приютить их под нашим кровом и отстаивая собственные права. Тем не менее, мы сможем легко избавиться от них, если призовём к себе на помощь могучего гения, которому имя – решимость. Он-то и приведёт в действие Волю, а Воля – это такой всемогущий гигант, которому чужды всякие сентименты, и, однажды призванный к действию, он превращается в поистине несокрушимую силу. Вот о нём-то мы и поговорим следующий раз.

II. Сила воли

Освобождение и развитие

“Воля – наипервейшая из всех сил, ибо чрез волю верховной причины всё сущее явилось в бытие”.

Ван Гельмонт.

Даже самые головоломные метафизические проблемы способны поддаваться сравнительно лёгкому осмыслению, если не забывать о том, что человек – не просто отдельно взятая и наглухо отгороженная от всего прочего индивидуальность, а лишь один из центров-фокусов разлитой по всей Вселенной божественной эссенции – “ума”.

С одной стороны, его “сфера” налагается и влияет на каждую другую индивидуальность, присутствующую в непосредственной близости к её собственному центру, физическому телу, а с другой стороны, сама оказывается в сфере влияния на неё этих других индивидуальностей. Более того, его душа, подобно солнцу, отдающему свои лучи даже самым отдалённым планетам, направляет своё влияние – в большей или меньшей степени – всем другим душам, и воспринимается ими в зависимости от её способности отдавать и их способности получать.

Воля – это та сила, которой ум пользуется во всех своих операциях. Поскольку ум является универсальным – то есть присутствующим во всём универсуме – принципом, то он и должен обладать способностью проявлять свои силы всюду, где он присутствует, и приводить в действие волю всюду, где он способен сконцентрировать её в достаточной степени. А стало быть, сфера действия воли не может ограничиваться пределами одного лишь материального тела. Нет, сфера её действия простирается столь же широко, как и сфера действия ума, и при надлежащем своём развитии воля окажется способна распространять своё влияние, невзирая на огромные расстояния, на всё живое, а в некоторых случаях, и на неживое во Вселенной.

Оккультная наука давным-давно обнаружила – и неизменно получала подтверждения со стороны величайших мыслителей всех веков, – что в мире существует лишь одна абсолютная реальность, верховная причина всего того, что существует во Вселенной, начало всех начал. Неизменная сама по себе, она является нам в своих самых различных состояниях и в бесконечном множестве своих форм.

Одни называют её Богом, другие – материей, третьи – силой, четвёртые – духом. Однако она неизбежно остаётся столь же непостижимой для нас, как непостижимы абсолютное пространство, абсолютное движение и абсолютная продолжительность (duration), [12] поскольку эти абстрактные концепции относятся к тому, что является бесконечным и совершенным, а значит, и не могут быть осмыслены умом конечным и несовершенным.

По Платону, первосущее представляет собой эманацию ума демиурга – ума, внутри которого уже от века заключена идея будущего “сотворённого” мира. Эту идею демиург рождает из самого себя силой собственной воли. Таким образом, космос – это не что иное, как Воля и её проявление.

Эта космическая воля может проявляться либо в виде не имеющих формы сил, либо в виде форм, которые можно определить, как царства природы: стихийное (“элементальное”), минеральное, растительное, животное, человеческое или духовное. Все эти формы постоянно изменяются, а потому и называются иллюзорными.

Ограничен ли срок их существования секундами или растягивается на миллионы веков, не имеет ровно никакого значения, поскольку в любом случае все они представляют собой нечто временное и непостоянное, и, подобно, некой фантасмагорической картине, проецируемой на экран лучами “волшебного фонаря”, они тут же исчезают, едва лишь перестанет действовать порождающий эти лучи свет. Одним словом, период их существования и плотность зависят лишь от времени и интенсивности воздействия на них со стороны этого света.

Вся природа-вселенная есть не что иное, как продукт вечного мирового ума, спроецированного в бытие всемогущей силой этого самого ума. Это “материализованная” божественная идея, которая проявляется человеку в объективной форме. Подобные формы могут поддаваться, а могут и не поддаваться человеческому зрению по той причине, что их зримость зависит от способности этих форм отражать свет, а осязаемость – от плотности их вещества.

Например, такие [невидимые глазом] газы, как кислород и азот, в процессе сжатия способны становиться видимыми и осязаемыми, а самые твёрдые вещества в ходе нагревания превращаются в совершенно невидимые и неосязаемые субстанции.

Таким образом, видимыми нам являются далеко не все продукты действия космической воли. Обычное зрение позволяет нам наблюдать, по сути дела, лишь малую часть их общего целого. Во Вселенной, без сомнения, существует гигантское количество невидимого нам вещества – того, что рождает кометы или какого-то иного. Более того, в природе имеется и сверхизобилие внешне незримых организованных форм жизни.

Вот как об этом говорит Булвер-Литтон в своём “Занони”:

“Жизнь – это единый все насыщающий собою принцип. Даже то, что кажется нам уже мёртвым и давно истлевшим, порождает, однако, новую жизнь и принимает какую-то новую материальную форму. Давайте поразмыслим, следуя аналогиям. Возьмите любой растущий на дереве листок, любую каплю воды. Ведь они не меньше, чем вон та небесная звезда, являют собой миры, в которых всё живёт и дышит.

Да что там! Даже сам человек являет собою отдельный мир, полный иных жизней. Миллионы, мириады их обитают в речных потоках его крови. Они населяют его тело так же, как человек населяют эту землю.

Да весь здравый смысл (имейся он только у этих ваших схоластов-философов) наставляет нас тому, что та омывающая нас со всех сторон бесконечность, которую вы зовёте пространством, – то ничем не уловимое безбрежное нечто, что отделяет землю от луны и звёзд – точно так же заполнено своей особой и подобающей ему жизнью”. [13]

И чуть ниже он добавляет:

“В одной капельке воды вы видите, сколь разнообразны животные организмы, как одни из этих микроскопических чудовищ велики и ужасны по сравнению с другими. Таковы же и обитатели атмосферы: одни отличаются великой мудростью, другие полны лютой злобы; одни питают вражду к людям, как демоны, другие ласковы, точно посланники, действующие между землёй и небом”. [14]

Наш “практичный и учёный” век готов слишком легко списать приведённые выше слова на счёт буйной фантазии знаменитого литератора, задачей которого якобы было лишь потешить самого себя и читающую публику. У автора этих строк нет ни возможности, ни желания убеждать скептиков, доказывая им, что так называемые “духи стихий” (“элементалы” [15]) действительно существуют.

Однако у него имеются веские основания полагать, что эти невидимые, но субстанциональные и по-разному выглядящие существа реально существуют. Более того, своей тренированной волей человек способен наполнять их сознанием и разумом, делать их видимыми и даже обладающими плотным телом, а порой и весьма полезными для себя.

Наши слова подтверждаются и соответствующими свидетельствами, представленными в трудах розенкрейцеров, алхимиков, каббалистов и Адептов.

Воля – это один из универсальных принципов, но научный мир в целом ещё не подошёл к пониманию этого принципа по той лишь причине, что просто нигде не встретишь ни одного случая проявления произвола, да такого и быть не может, поскольку Воля, управляемая неизменными законами, всегда действует, как слепая сила.

В зависимости от принципа, которым Воля управляется, и закона, которому подчиняется, она сознательно или бессознательно образует соответствующие формы. Если ею руководят наивысшие космические разумы, то она неизбежно подчиняется закону гармонии и справедливости – закону, в котором нет места для произвола. Здесь, вероятно, стоит ещё раз сослаться на слова Булвер-Литтона, восклицającego: “Как же ничтожна вся наша мудрость в сравнении с той, что наделяет целебными свойствами самую неприметную травинку!” [16]

Итак, макрокосмическая Воля солнечной системы сознательно или бессознательно образует формы, но аналогично ей действует и воля микрокосмического человека. Формулируя ту или иную конкретную или даже абстрактную идею у себя в уме, мы придаём ей форму и творим некое бытие, которое может либо так и остаться субъективным, либо может стать объективным и даже материальным, если мы применим для этого соответствующие средства.

Каждая наша мысль творит определённую субъективную форму, которую может увидеть и воспринять не только автор этой идеи, но и другие люди, наделённые сверхобычными способностями к восприятию. Вот что говорит, например, махатма К.Х. в своих письмах г-ну Синнетту:

“Мы усматриваем гигантскую качественную разницу между двумя равными объёмами энергии, которую могут затрачивать два человека: когда один, допустим, направляется на свою тихую ежедневную работу, а другой идёт в полицейский участок с доносом на своего собрата”. [17]

А ниже он добавляет:

“... всякая мысль, едва возникнув у человека, тут же переходит в мир внутренний и, соединяясь (мы сказали бы, срастаясь) с элементом – то есть с одной из тех полумрачных сил, которыми населены различные царства природы, – становится самостоятельной активно действующей сущностью. И в качестве такого отдельного активно действующего разума, в качестве такого отдельного порождаемого умом существа, сущность эта продолжает жить – одна дольше, другая меньше – соразмерно с изначальной интенсивностью той деятельности головного мозга, которая эту сущность и производит. Таким образом, мысль добрая увековечивается в качестве активной силы добра; мысль злая – в виде демона зла. Так человек непрерывно источает в пространство особый ток, наполняя его миром своего же собственного производства – миром, густонаселённым плодами его собственных фантазий, желаний, устремлений и страстей. Все вместе последние и образуют тот особый ток, который воздействует на любой обладающий органами чувств или нервной системой организм, которому может случиться вступить с ним в контакт, и сила воздействия этого тока зависит от его динамической интенсивности. Буддисты называют это человеческой “скандхой”, индуисты – “кармой”. Адепт способен выделять эти формы из себя сознательно, обычные же люди выбрасывают их вовне бессознательно”. [18]

Работая над этой статьёй, я обнаружил в одном американском журнале [19] любопытную иллюстрацию вышесказанных слов. Приведу здесь следующий отрывок из рассказа У. Уитворда:

“С самого раннего детства меня считали странным, необычным ребёнком, наделённым крайней чувствительностью к внешним впечатлениям. Я хорошо помню один музыкальный вечер, на котором присутствовал, когда мне исполнилось четырнадцать лет. Тогда-то перед моим взором и возникло какое-то странное образование, которое вдруг зажило своей собственной жизнью. Немецкий профессор играл на органе, а я вдруг почувствовал, будто меня что-то словно околдовало.

Глаза мои неотрывно следили за вдруг возникшими перед моим взглядом странными существами. Их было множество, и они перемещались туда-сюда по всей длине клавиатуры органа. Они как будто выпархивали откуда-то и перелетали с места на место с каждой нотой и с каждым издаваемым аккордом. То были самые настоящие живые существа – удивительно крошечные лилипуты-духи, феи и гномы, но правильностью телосложения и черт лица они ничуть не отличались от всех прочих нормальных людей, присутствовавших в зале. Одеты они были в самые фантастические наряды всех возможных оттенков, однако белый, красный и зелёный явно преобладали. Кроме того, на них было надето множество серебряных и золотых украшений, и те то и дело поблёскивали среди ярких и наипрекраснейших цветов, которыми существа эти были усыпаны с ног до головы.

Было очевидно также, что эти странные существа имели разный пол, о чём свидетельствовали различия в одежде и чертах лица. Не было ни единой ноты, которая не вызывала бы появления духов: те являлись либо по одиночке, либо по двое или по трое и, казалось, возникали непосредственно из своей соответствующей клавиши и двигались в точном ритме и согласии с остальными звуками. Меня вдруг поразила следующая мысль: *“А что если они и есть не что иное, как сама сущность музыки, её душа?”* Они появлялись и действовали в таком совершенном согласии с размером и настроением темы, двигались в приятном ритме вальса, в торжественном шаге похоронного марша или в быстром ритме танцевальной джиги; их крошечные горла испускали звуки мелодии, так что казалось, будто они и есть сам дух этих разливающихся вокруг звуков.

В быстром ритме они безумно танцевали, в экстазе размахивали украшенными перьями шляпами и веерами, кружась туда-сюда с невероятной быстротой и мерно отбивая такт ногами – так обычно барабанит по стеклу дождь. Когда же музыка переходила в торжественный ритм похоронного марша, воздушные существа с быстротой молнии исчезали, а на их месте появлялись укутанные в чёрные одеяния гномы: одни были похожи на монахов с накинутыми на головы капюшонами, другие напоминали одетых во всё чёрное пуритан, угрюмых участников какой-то похоронной процессии.

Самое необычное во всём этом было то, что на каждом их крошечном лице играли чувства, точно соответствующие звучащей музыке, и я, таким образом, мгновенно понимал мысль и чувства, которые хотел этой музыкой передать композитор. Вдруг среди безумно-надрывных звуков этой воплощённой музыкальной скорби появляются матери: у них заплаканы глаза и растрёпаны волосы, они бьют себя в грудь и громко возносят жалобные стенания по своим рано ушедшим малюткам. А вот из-под клавиш органа раздаются резкие звуки военного марша, и перед моим взором возникает строй рыцарей: на шлемах у них развеваются перья, в руках они держат щиты и копья. Передо мною проходят полчища пылающих огнём войск: часть из них конные, а часть пешие, и всё красноречиво свидетельствует о только что закончившемся кровавом сражении.

Каждый новый такт приносил с собою и новую группу духов, а старые бесследно растворялись в воздухе так же внезапно, как перед тем появлялись. Когда же в музыкальном строе плывущих из органа звуков возникала какая-то диссонирующая нота, сейчас же моему взору являлось какое-то уродливое существо: всё у него выглядело как-то криво-косо, и члены его и покрывавшее его платье. Чаще всего это бывал карлик-горбун, обычно издававший своим скрипучим голосом гортанные звуки. Движения его были неуклюжи, и производил он самое неприятное впечатление.

Когда же мне минуло двадцать пять лет, я был точно так же внезапно поражён зрелищем подобных сказочных существ, которые на сей раз *“слетали”* с уст говоривших друг с другом людей. Каждый раз, когда кто-либо из них произносил то или иное слово, в воздухе вдруг возникало одно из этих странных созданий, которые и своей одеждой, и каждым своим действием являли собой точное воплощение передаваемого в речи чувства. Так происходило и во время разговора двух сестёр, которые встретились после долгой разлуки и теперь изливали свою пылкую нежность друг к другу. С их уст слетали невероятно красивые на вид крошечные существа, и всем своим обликом, чертами лица и нарядами они идеально выражали те слова любви, которые, казалось, их и порождали.

Я никогда не забуду тот день, когда мне довелось стать несчастным свидетелем одной сцены, в которой беспредельная верность с одной стороны живо контрастировала с предательским двуличием другой стороны. Юная красавица-девушка прощалась со своим возлюбленным, отправлявшимся в долгое странствие. Каждое произносимое ею слово порождало таких же прекрасных сияющих фей, которых я уже видел раньше во время беседы двух сестёр.

Существа же, слетавшие с его губ, были до удивления странны и имели как бы две внешности: переднюю и заднюю. Лицом передней своей стороны они были обращены к девушке и были так же прекрасны на вид, а улыбки их, казалось, дарили ей столь же трепетную нежность. У задней же их стороны внешность выглядела совершенно иначе: они были совершенно черны на вид и имели ужасный, дьявольский облик.

С их жестоких губ вытягивались огненные змеи с красными раздвоенными языками, а в хитрых косых взглядах, которые вырывались из уголков их полуприкрытых глаз, отражались вспышки злобного коварства. Эти тёмные задние стороны крохотных существ выглядели поистине жутко, выражение их лиц постоянно менялось, они словно всё время уворачивались, пытаясь одновременно казаться яркими и честными, когда были обращены к доверчивой девушке, и скрывая чёрное коварство на своих скрытых от неё вторых лицах.

Я отчётливо видел, что добрая сторона их внешности была окружена ореолом безоблачного сияния, тогда как над другой висела непроницаемая завеса густой мрачной мглы.

Самыми прекрасными из всех были крошечные феи, которые слетали с уст любящей матери, когда та обращалась к своему единственному ребёнку. Они, казалось, плыли в пушистом облаке чистейшего серебра и растворялись в милых кудряшках детской головки, в непрерывном потоке благословений осыпая ребёнка цветами и сладким ладаном до самых ног. Когда же я взглянул на дитя, то увидел нечто обратное: с жестоких уст неблагодарного сына слетали ужасные бесы. Мать со слезами на глазах о чём-то молила его.

Но тут же со стороны неблагодарного грубияна последовал грубый, резкий ответ, который метнулся к ней в виде злобно шипевших и зловеще смотревших огненных демонов. И вот уже с каждым произнесённым им словом длинные клинки с зазубренными лезвиями начинают разрывать и рвать на части нежную, белую материнскую грудь, а прекрасные добрые феи, слетавшие с её дрожащих губ, оттесняются назад и разбиваются о стены комнаты.

Двуличных гномов я видел не раз, и исходили они из уст множества людей. То это были вещающие с церковной кафедры угодливые, лживые проповедники, то радостно ожидающие смерти своего богатого родственника люди, которые толпились у ложа умирающего, проливая по нему лицемерные слёзы и высказывая фальшивые слова сожаления, а то существа эти слетали с уст двуличных друзей.

В заключение я хотел бы в качестве предположения высказать следующую мысль: вполне может быть, что каждое произносимое нами слово представляет собой некую абсолютную живую сущность, которую мы сами порождаем либо во благо, либо во зло.

И первоначальное назначение каждой такой сущности уже никогда нельзя изменить. Эта сущность должна будет жить века и века, выполняя ту задачу добра или зла, которую мы задали ей при рождении. Что же до плодов этого добра или зла, то пожинать их предстоит тем, кто эти сущности породил.

В свете этой страшной перспективы мы должны всегда помнить о том, насколько бдительны мы должны быть каждую минуту своей жизни, чтобы ни одно наше слово, каким бы незначительным оно ни казалось, не было произнесено иначе, как во имя одного лишь блага”.

Тем не менее, находятся скептики, утверждающе, будто подобные проявления силы не имеют объективного существования и такого рода формы являются лишь субъективными детищами фантазии. А потому давайте рассмотрим, чем отличаются между собой объективные и субъективные представления?

Термины “объективный” и “субъективный” могут нас легко ввести в заблуждение, поскольку различие между ними чисто воображаемое. При анализе любого осознанно совершаемого действия мы неизбежно отделяем себя, наделённого сознанием субъекта, от того, что мы осознаем, – от объекта, и делаем это с помощью терминов “субъективное/объективное”.

Следовательно, будет ли форма представляться нам объективной или субъективной, зависит лишь от того, каким способом такие реально существующие формы поступают в наше сознание, а захотим ли мы посчитать их объективными или субъективными – это вопрос лишь нашего собственного выбора. Встречая людей, которые не могут отличить идеальные концепции от материализованных идей, мы говорим, что они страдают галлюцинациями.

Однако с помощью тренированной воли их “галлюцинации” способны становиться более или менее материализованными, объективными и видимыми для других. Однажды сформулированная, любая идея уже обладает собственным существованием и вполне может принять телесную форму, если применить для этого соответствующие средства.

С другой стороны, когда человек говорит, что не верит в существование того-то и, того-то, потому что никогда не видел этого собственными глазами, то это значит, что он расписывается в собственном безумии, ведь, если принять его слова за чистую монету, то он не должен верить и в существование у себя и собственного мозга, поскольку видеть его собственными глазами ему вряд ли когда-либо доводилось. Тем не менее, он верит в то, что мозг у него всё-таки есть, и приходит он к этому убеждению чисто логическим путём.

Было бы совершенно неправомерным утверждать, будто объективным существованием может обладать только то, что мы в состоянии воспринять своими органами чувств, потому что чувства наши постоянно обманывают нас и вводят в заблуждение.

Имеется бесчисленное множество [не поддающихся человеческому восприятию – перев.] вещей, существование которых не может отрицаться ни одним здравомыслящим человеком, тогда как того, что мы воспринимаем своими чувствами, зачастую реально не существует. Собственно говоря, мы никогда не видим, не слышим, не чувствуем, не ощущаем на вкус и на запах никаких внешних предметов; мы воспринимаем лишь впечатления, которые те производят, воздействуя на наш ум через посредство наших органов чувств.

Мы вообще не видим истинной природы вещей, а только имеем их символические представления. Зрение – это просто язык, с помощью которого природа нечто говорит нашему уму и рассудку, а рассудок – это не что иное, как продукт нашего же собственного обучения и практики.

Тем не менее, под “объективным” принято понимать всё то, что является внешним по отношению к нашему “уму”. Такое определение могло бы быть верным, будь человек наглухо изолированной от окружающего мира индивидуальностью, а весь его “ум” ограничивался бы лишь пространством в черепе, занимаемым мозгом. Вот тогда-то “ум” и являлся бы, как говорят некоторые физиологи, всего лишь “функцией” материального мозга, и тогда мы были бы вправе сказать: *“Объективное есть всё то, что принадлежит чему-то внешнему по отношению к нашему мозгу”*.

Самый авторитетный из сегодняшних исследователей физиологии и расстройств сознания (“ума”, “mind”), [20], например, утверждает: *“Мозг – вот главный орган, порождающий силу (force), называемую умом”*. Под умом же *“я понимаю силу, производимую нервной деятельностью, а конкретно у человека – деятельностью головного мозга”*.

Столь узкое определение ума, разумеется, сводит на нет любую попытку объяснить такие оккультные явления, как чтение мыслей, воздействие ума на расстоянии, ясновидение и сотни других фактов, и начисто исключает их из сферы действия сознания. Все эти явления отрицаются современными “учёными” как не соответствующие их теориям, но не оспариваются сегодня ни одним из тех специалистов, кто терпеливо и внимательно исследовал эти явления.

В нашу задачу сейчас не входит демонстрация всех тех нелепостей, на которых строятся заключения современной науки. Достаточно будет сказать, что *“ум – это универсальный принцип, центр действия которого располагается в мозге, тогда как сам мозг является одновременно и физическим центром притяжения [“впечатлений” – перев.], и лабораторией ума”*.

Если это верно и, если ум действительно универсален [то есть охватывает собой весь мир – перев.], а его потенциал выходит далеко за пределы физического мозга, то из этого следует, что всё существующее должно существовать внутри этого мирового ума, и вопрос состоит лишь в том, какими способами вещи способны осознаваться нашим сознанием в лабораторной тиши всякого отдельно взятого мозга.

Такие ощущения, как симпатия и антипатия, такие явления, как ясновидение, яснослышание, психометрия и т.д., доказывают, что та часть нашего ума, которая находится в мозге, способна получать впечатления не только и не исключительно через физические органы чувств.

Поэтому вопрос о том, каковы те условия, в которых воспринимаемые нами вещи реально существуют, – это лишь вопрос мнения. То, что может представляться субъективным одному человеку или на одном плане бытия, может уже казаться объективным другому человеку [или на ином плане бытия], и между двумя этими состояниями не может быть реальной разницы.

Возможное же различие между идеей, сформулированной в уме, и идеей, выраженной в видимой и осязаемой форме, состоит лишь том, что эти идеи существуют на разных планах бытия. Находясь в одном состоянии, идея существует невидимо для физических глаз.

Находясь же в другом состоянии, идея становится более-менее материализованной и уже способной отражать свет, оказываясь, таким образом, доступной нашим физическим органам чувств. Подобная материализация достигается либо сознательным, либо бессознательным действием *“воли”*.

Иными словами, любая идея всегда существует в виде некоего образа, отражаемого зеркалом ума, а с помощью воли эта идея способна обретать и плотность (которая будет соразмерна затраченному “количеству” воли), и форму (которая будет в точности соответствовать управляющему волей желанию), и совершенство (которое будет зависеть от уровня, задействованного в этих целях разума).

А о том, как можно развить у себя эту силу воли, мы расскажем уже в следующей нашей статье.

III. Развитие воли

“Вы можете овладеть тайнами каббалы и химии. Но этого мало. Вы должны ещё обрести власть и над собственной плотью и кровью”.

Булвер Литтон

В своей последней статье из серии “Практических указаний” мы попробовали показать, что любые наши мысли и идеи, страсти и желания – это не мимолётные и временные состояния молекул головного мозга, как об этом принято думать сегодня, а всё это вещи, которые, соединяясь с полуразумными силами природы, способны превращаться в живые реалии и становиться могучими инструментами, позволяющими человеку творить как добро, так и зло. Мысль рождает желание, желание приводит в движение волю, движение воли производит силу, а сила придаёт форму материи или субстанции.

Взаимодействовать с этими силами можно тремя способами. Во-первых, мы можем позволить этим силам взять полную власть над нами, и тогда мы превратимся в их послушных рабов; во-вторых, мы можем объединить с этими силами собственные усилия, и тогда мы превратим их в своих сообщников; и, в-третьих, мы можем стать их властелинами и тогда будем управлять ими силой собственной воли.

Человек, отдающийся во власть своих низших побуждений и животных желаний, – либо преступник, либо маньяк, между которыми и границу-то провести очень трудно. Из газетных сообщений мы время от времени узнаём о жесточайших преступлениях, совершаемых без всякого очевидного повода, и объяснить это можно лишь тем, что преступники либо не находят в себе сил для сопротивления подобным импульсам, либо не предпринимают для этого достаточных усилий.

Чем чаще человек поддаётся воздействию со стороны подобных импульсов и сил, тем слабее становится его собственная сила сопротивления. В конце концов он превращается в пассивного носителя зла, и после смерти его личность целиком растворяется и гибнет в восьмой сфере.

Во втором случае мы можем связывать себя с чисто природными силами зла: мы можем вступить в сообщение с духами стихий, “элементами”, помириться с ними и сделать их своими пособниками в деле зла. На языке Средневековья это называлось “заключить договор с дьяволом”. В эту категорию входят разнообразные практики чёрной магии. Хотя практики эти и требуют от человека некоторой концентрации воли, однако для развития последней ему в данном случае не понадобятся ни высота духа, ни духовный рост индивида. Результатом же подобных практик является не расширение, а, наоборот, сужение сознания.

По существу, они приводят к безудержному росту эгоизма в индивиде и его самоизоляции. Укрепление воли здесь осуществляется как с помощью целого ряда упражнений, включая физическое самоистязание, формирующее привычку к перенесению физической боли, так и посредством концентрации всех ментальных энергий на тех или иных материальных предметах.

Практики такого рода позволяют “чёрному магу” заручаться поддержкой элементов и производить с их помощью некоторые оккультные феномены. Таким образом, индивид превращается в одного из активных носителей зла, следствием чего становится полное уничтожение уже не одной только его личности, но и его индивидуальности.

Третий же способ взаимодействия с этими силами – который мы и рекомендуем – заключается в формировании такой силы воли, которая позволит нам поработить силы природы и поставить их под наш полный контроль. Овладение этими силами является важнейшей задачей для любого изучающего оккультизм, но в этом заключена и глубокая тайна, без знания которой невозможно никакое продвижение вперёд.

А для этого существует лишь один-единственный метод: постоянная практика, то есть постоянное упражнение воли в верном направлении. Это означает не только постоянное подавление в себе любых эгоистичных желаний, но и непрерывные усилия к совершению и накоплению таких действий, которые несут в себе пользу для реального развития человечества.

Всё полезно на своём месте. Так, известную пользу несёт в себе и животная природа. Даже низшие принципы должны сыграть свою необходимую роль на определённом этапе эволюции. Они – та почва, в глубь которой должны уходить корни дерева жизни и из которой могли бы черпать свою субстанциональность и силу высшие принципы. Если [высшее] “эго” (монада) уже успело взять верх над материалистичными желаниями и импульсами, то человек вполне может родиться и без них.

Однако рождаться, не имея никаких материалистических желаний, для среднего, обычного, человека было бы на нынешнем этапе эволюции ни желательно, ни полезно. Например, человек, лишённый такой черты характера, как воинственность, не будет обладать ни мужеством, ни уверенностью в себе: он окажется лишь нравственным и физическим трусом. А без известной склонности к разрушительности, ему не хватит энергии, чтобы побороть зло.

Не обладая жадностью, он не обретёт никаких знаний, а полное отсутствие любовных влечений, вероятно, сделает его узко мыслящим субъектом, замкнутым в самом себе и эгоистичным. Точно так же ничуть не следует сожалеть и о так называемом “*грехопадении*” человека (нисхождении духа в материю), ибо в противном случае человек так и остался бы в блаженном неведении о духах стихий, тогда как теперь он обладает таким знанием и, благодаря этому, способен уподобиться Богу.

Если воля представляет собой действительно универсальную силу, то из этого логически следует, что во вселенной есть лишь одна-единственная верховная воля, пусть она даже и проявляется в различных формах.

И чем крепче мы связываем свою индивидуальную волю с верховной и чем больше мы действуем с ней воедино, тем крепче становится и наша собственная воля. Если же мы попытаемся своей волей противодействовать воле верховной, то последствия этого неизбежно окажутся разрушительными для нас, поскольку приведут к нашей изоляции от универсума и к смерти.

Воля наша лишь тогда обретёт несокрушимую силу, когда целиком освободится от материальных желаний. Когда мы хотим чего-то, то это не значит, что мы сами притягиваем к себе это “что-то”. Наоборот, это желаемый нами предмет, разумеется, влечёт притягивает нас к себе, а мы становимся всего лишь его рабами.

Как говорит Элифас Леви, *“воля свершит всё то, чего не алчет”*, и подтверждения справедливости этого парадокса мы можем наблюдать во множестве каждый день. Мы видим, как люди тратят целые свои жизни на тщетные и бесполезные попытки разбогатеть, а умирают в полной нищете. И даже тогда, когда они достигают своей цели, им всё равно хочется чего-то ещё большего, и жизнь их полна стольких страданий, что ей не позавидует и последний бездомный бродяга.

Мы видим домогающихся власти карьеристов-чиновников: они готовы угодливо склоняться перед своим негодяем-начальником, однако жизнь их зачастую кончается бесчестьем. Мы видим, как пустой щёголь пытается покорить женские сердца, однако вместо этого становится лишь предметом насмешек и презрения со стороны умных женщин. Наконец мы видим, как люди изо всех сил пытаются обрести счастье, отдаваясь наслаждениям внешнего мира, однако вместо этого пресыщаются жизнью и кончают с ней счёты без всяких сожалений.

Самый надёжный способ разбогатеть состоит вовсе не в том, чтобы вожделеть богатства, потому что если мы будем довольствоваться тем, что имеем, даже если это будет ничто, то станем богаче скупца, который владеет многим, но хочет ещё большего. Если мы мечтаем о власти, то должны и нравственно, и интеллектуально стать выше остальных людей, и нам при этом всегда надлежит быть готовыми пожертвовать собственными желаниями во имя их блага – вот тогда-то власть и явится к нам сама собою без всякого приглашения.

Если мы желаем любви, то давайте отдадим ту любовь, какую имеем в сердце своём, в равной мере всему человечеству, и тогда любовь тех, о чьей любви мы мечтаем, прольётся на нас так же естественно, как дождь проливается на иссохшую землю. Если мы мечтаем о счастье, то должны всегда быть готовы отбросить собственный эгоизм, и тогда обретём счастье внутри себя.

Как со всей очевидностью следует из вышесказанного, развитие воли и обретение оккультных способностей – это всего лишь естественный результат эволюции. Среднему человеку может потребоваться целый ряд рождений на земле, чтобы достичь того же состояния совершенства, в котором пребывает Адепт, однако этот процесс может быть ускорен при постоянном напряжении воли. Человек в юности стремится к материальным, земным удовольствиям, к удовлетворению своего физического тела. С возрастом же он отбрасывает свои прежние увлечения и тянется к чему-то более существенному.

Он может погрузиться в какие-то интеллектуальные изыскания, но нередко с годами приходит к выводу, что всю жизнь истратил попусту, лишь гоняясь за призраками. Он может испытать и любовь, почитая в такие минуты себя счастливейшим из смертных, и всё лишь затем, чтобы рано или поздно понять, что идеал можно обрести лишь в идеальном мире.

И тогда он осознаёт всю тщету своей погони за призраками, и, подобно крылатой бабочке, выходящей из куколки, он всеми силами устремляется в царство бесконечного духа и удивляется, обнаружив сияющее солнце там, где прежде ожидал найти лишь тьму и смерть. Одни приходят к этому свету раньше, другие позже, а многие, соблазнившись иллюзорным светом, который они принимают за солнце, опаляют свои крылья и гибнут.

Жизнь – это непрекращающаяся борьба между добром и злом, между результатами прежней кармы и усилиями воли по их преодолению, между высшей природой человека и его низшими побуждениями, и будущее человека целиком зависит от того, какая сторона возьмёт верх в этой битве.

Тем не менее, борьба эта не сможет продолжаться бесконечно, если человек будет предпринимать решительные волевые усилия. Нужно лишь один раз окончательно подавить в себе этот набор животных побуждений, и тогда те уже никогда больше не дадут о себе знать. И чем больше человек станет упражнять свою волю, тем больше силы будет в нём прибывать.

Однако на пути успешного развития человека стоят два гигантских препятствия, два заблуждения: одно связано с тем, что мы понимаем под Богом, а второе – с тем, что мы поднимаем под человеком.

Пока человек верует в некоего личного Бога, способного даровать милости одним и посылать кары другим – Бога, с которым можно вступать в какие-то объяснения, которого можно в чём-то убеждать или как-то умиротворять – он будет оставаться в тесном кругу собственного невежества, и ум его никогда не расширится.

Собственный эгоизм и мечты о некой обители личного блаженства, о рае небесном, ничуть не помогут человеку на пути его развития. Даже если такой человек и воздерживается от совершения неблагоприятных поступков и отказывается от материальных наслаждений, он всё равно исходит при этом не из внутренней потребности творить благо, а либо из ожидания награды за свою *“жертву”*, либо, как малодушный трус, из одного лишь страха перед Богом.

Творить добро мы должны потому, что сами хотим творить добро, а не из страха перед возможным наказанием и не из надежды на получение каких-то персональных побряжек. Дорогу осилит идущий, и только таким помогают боги.

Мудрец ждёт лишь одного – справедливости. Мудрец знает: сам он – лишь частичка универсального целого, и, творя добро другим, он тем самым творит добро самому же себе, а причиняя зло другим, он собственноручно совершает казнь над самим собой, становится самому же себе палачом. Любовь ко всему сущему становится для него неодолимой внутренней потребностью, тогда как любовь к себе представляется ему иллюзией и откровенной глупостью.

Познание Бога – это в конечном счёте то же самое, что и познание человека, и познавший себя познаёт Бога. Поняв природу заключённых в нас божественных сил, мы без труда сможем соединить собственную волю с верховной Волей космоса. И тогда мы окажемся уже вне воздействия на нас внешних сил. Наоборот, это мы будем управлять ими. Вместо того, чтобы оставаться рабами Природы, мы станем хозяевами её, и уже не демоны будут править над нами, а это мы сами станем правителями, богами.

Однако учение это далеко не всегда верно понимается, а непонимание способно приводить к самым тяжёлым последствиям. Соединение нашей воли с волей универсума вовсе не означает этакое сентиментальное смирение перед ударами неумолимого рока.

Это вовсе не значит, что мы должны с безропотным безразличием относиться ко всему, что происходит с нами и вокруг нас.

Тем более это не означает, что мы должны вверить собственную волю воле какого-то невежды или негодяя. Нет, это значит, что в нас должно гореть острое и неудержимое желание творить благо для человечества, чего бы нам это ни стоило.

Древнее учение, которое в эпоху Средневековья вдруг вспыхивало то тут, то там в Европе – главным образом в монастырях Франции и Испании – гласит: “Подвижник, принёсший в жертву и истребивший в себе собственное “я”, далее уже неспособен существовать иначе, как в Боге. Отныне он уже неспособен творить зло.

Лучшая его часть становится столь божественной, что более не ведаёт того, что творит вторая его часть”. Мало кто из числа монахов и монахинь тех времён сумел верно понять смысл этих слов.

Обычно они рассуждали так: исповедью, умерщвлением плоти и покаянием они уже успели завоевать определённое благорасположение Бога, а значит, отныне им уже всё позволено, и они вольны творить любое распутство, чинить любое беззаконие, не неся за это никакой ответственности.

А коль скоро представители духовного сословия считались избранниками Бога и его наместниками на земле, то люди чаще всего целиком подчиняли свою волю желаниям таких церковных мошенников, которые ради упрочения своей власти не останавливались ни перед пыткой, ни перед костром.

Они и вправду переставали давать себе отчёт в своих действиях, поскольку, связав своё “я” с собственной животной природой, они превращались в зверей, и *“наилучшая их часть”* действительно уже не ведала того, что творит их вторая половина, ведь, оторвавшись от своих высших принципов и целиком слившись с низшими, они напрочь утрачивали эту *“наилучшую”* часть. Так они превращались не в *“Бога”*, а в *“дьявола”*.

Принести в жертву своё “я” – это значит укротить свои низшие принципы и укрепить высшие. Объединить свою волю с божественной – это значит не желать ничего другого, кроме одного лишь добра и жить в согласии с наивысшими понятиями справедливости и правды, в каждом своём действии исходя из любви ко всему человечеству. Кроме того, это значит не только желать добра, но и иметь смелость его творить. А для этого необходимо, чтобы и мы сами вкладывали верный смысл в эти абстрактные понятия.

Порой говорят: да какая разница, что у человека на уме, коль скоро он поступает верно. Но ведь человек не может быть до конца уверен, что поступает должно, если не знает точно, а что это такое – поступать должно. Вот почему мы столь часто и становимся свидетелями того, как во имя правды свершаются самые ужасные беззакония.

Мнение большинства не всегда оказывается верным, а голос совести и человечности зачастую тонет общем гвалте того или иного суеверия, порождённого ошибочным богословским догматом.

Неверное убеждение, вне всякого сомнения, вредно для человеческого развития, и лишь такое убеждение может оказаться полезным, когда оно опирается на знание.

Подлинное развитие воли, таким образом, зависит от уровня обретённого знания, поскольку знание служит твёрдой основой для веры, а без веры воля бессильна.

IV. Знание [21]

"В сновидениях и лежит начало всякого человеческого знания"

Булвер Литтон [22].

Когда человеческое сознание очищено от всех эгоистичных желаний и когда оно наполнено могучей волей и истовой решимостью познать истину, вот тогда только человек по-настоящему и готов вступить в храм знания — иначе говоря, начать обретать необходимый опыт вкупе с отчётливым пониманием причин и следствий.

Для обретения знания существуют два пути. Первый можно сравнить с медленным и утомительным восхождением вверх по реке от самого её устья — путь этот состоит в анализе следствий и попытках установить породившие их причины. Второй же заключается в том, чтобы наперекор всем помехам и барьерам, которые ставит перед нами материя, совершить восхождение в своём сознании к извечному первоисточнику всего, и уже оттуда проследить всю траекторию действия законов и понаблюдать за их последствиями.

Первый путь и есть тот путь, по которому привычно движется современная наука. Он напоминает блуждание человека вдоль периферии огромного круга в попытке отыскать центр этого круга. Оккультисты же, не отвергая в целом важности индуктивного метода рассуждения, всё же предпочитают соединять себя с центром Вселенной, чтобы оттуда исследовать бесконечное всё.

Иными словами, они пытаются привести всё своё существо в созвучие с мировым умом для того, чтобы ментально вступить в самый центр всего сущего, из которого и смогут почерпнуть подлинное знание.

Задача эта требует огромных усилий и упорства, тогда как, с точки зрения обычного учёного, гораздо проще усовершенствовать физические приборы, нежели трудиться над улучшением собственной нравственной природы и развитием собственных духовных способностей. Такой учёный способен обрести лишь несовершенное знание, то есть знание, ограниченное лишь крупницей отдельных фрагментов.

Привести себя в состояние гармонии с божественным умом не значит время от времени поминать “Бога” и “рай небесный” или скрупулёзно выполнять каждый пункт предписанного священного ритуала. Нет, это значит привести себя в такое состояние, при котором самая мельчайшая молекула духовной составляющей человека непрерывно вибрировала бы такт в такт с духом вселенной.

Это значит жить, непрерывно оставаясь в своём высшем сознании — именно в этом и состоит главная задача подлинного созерцания (контемплации).

Чтобы мысль эта стала понятней, нам вновь нужно обратиться к конституции человека и рассмотреть те состояния сознания, которые тот способен переживать. Всякий человек, если природа его ещё не успела окончательно “оживотниться”, знает, что у него имеется, как минимум, два набора чувств и что он находится под воздействием двух сфер притяжения.

Один набор тянет его вниз, к земле, заставляя цепляться из всех сил за материальные потребности и отдаваться материальным влечениям. Другой же набор, поднимающий человека в области неведомого, заставляет его позабыть о соблазнах и искушениях материи и, приближая его к царству абстрактных идеалов добра, истины и красоты, дарит ему подлинные удовлетворение и счастье.

Этот факт раздвоения сознания признавался всеми великими философами и поэтами. Так вот смешение этих обоих и образует нормальное сознание среднего человека.

Животное сознание человека — это тот ни о чём не рассуждающий звериный инстинкт, который толкает его на удовлетворение собственных материальных желаний даже наперекор интересам других людей. Ментальные энергии у человека, находящегося под безраздельным влиянием собственных материальных желаний, сосредотачиваются главным образом в его низшем сознании.

И чем больше они там сосредотачиваются, тем меньше он способен различать добро и зло. Он вполне способен испытывать обычную боязнь перед возможным наказанием и даже иметь какие-то надежды на что-то лучшее в своей жизни, но, если импульсы [низшего сознания — перев.] перевешивают все его надежды и страхи, то он превращается в обычного маньяка или преступника.

Состояние человека, целиком пребывающего под воздействием животного сознания, можно наблюдать в ярко описанных случаях так называемой одержимости. В таких случаях приступы ярости, алчности, ревности и т.д. всецело берут над ним верх, тогда как рассудок его погружается в глубокий беспробудный сон.

Речь такого *“субъекта”* полна самых грязных ругательств, действия его напоминают поведение зверя, и неудивительно, что незнакомые с психологией люди приходят к однозначному выводу: этим человеком овладел дьявол.

Духовное сознание человека представляет собой другую крайность, которая проявляет себя в наивысших состояниях экстаза или транса. Однако подобное экстатическое состояние не следует путать с каталепсией [сознания] *“одержимого”*. Ум пребывающего в таком состоянии экзальтации человека вступает в сферу наивысшего сознания его духа и на короткое время более или менее тесно соединяется с духовной душой.

Пребывающий в состоянии экстаза индивид способен в своей речи высказывать тем более возвышенные идеи, чем полнее его сознание соединяется с духом. Он способен высказывать глубокое знание таких вещей, о которых в своём нормальном состоянии не имел ни малейшего представления.

А потому и неудивительно убеждение спиритуалистов, полагающих, будто человеком в подобном состоянии *“овладевает”* некий высший дух или *“душа”* покойного. И такой *“медиум”* не в силах вспомнить ничего из того, что видел или говорил, пока пребывал в состоянии этого транса, точно так же, как напившийся до бесчувствия человек или больной эпилептик зачастую испытывают подлинный ужас, когда им рассказывают о том, как они вели себя в том состоянии, о котором не помнят ничуть.

Между животным и духовным сознаниями как раз и пролегает то, что на нынешнем этапе эволюции человечества можно считать нормальным человеческим сознанием. В истории человеческой эволюции — вероятно, миллионы лет тому назад — было время, когда человеком целиком руководили одни только его низшие импульсы. Однако настанет и такое время — и нашей задачей является ускорить его наступление, — когда нормальным станет духовное сознание человека.

Сегодня человек находится где-то посередине между состояниями животного и *“бога”*, и он в равной степени управляется как своими инстинктами и импульсами, так и своим сознанием, и интуицией, не находясь под безраздельным влиянием ни того, ни другого. Человек — кто в большей, кто в меньшей степени — управляется собственным рассудком. Однако рассудительность его не может быть совершенной, если не покоится на совершенном знании, а обрести последнее можно лишь путём созерцания, медитации и накопления необходимого опыта.

Под *“созерцанием”* мы подразумеваем не приведение ума в *“пассивное”* состояние, а исследование той или иной идеи. Если мы просто *“созерцаем”*, глядя на предмет и не предпринимая при этом никаких умственных усилий, то превращаем свой ум в некое пустое место, и тогда он становится площадкой для игры всех тех сил, которые сами же и стремимся контролировать.

Более того, в этом случае ум оказывается под полным влиянием этих сил.

Законы вращения планет, принципы световых и электрических явлений, взаимоотношения духа и материи и т.д. были открыты вовсе не путём разглядывания какого-нибудь пятна на поверхности стены. Нет, они были открыты в ходе глубокого исследования причинно-следственных связей. Созерцание отнюдь не предполагает пассивности ума. Наоборот, оно означает приведение ума в состояние наивысшей его активности. Созерцать — это значит умственно подниматься в область самой мысли и формировать в себе научно-художественное воображение.

Наивысшая степень этого состояния по праву называется активным ясновидением и божественным озарением. Это состояние ничем не напоминает состояние обычного ясновидения, которое достигается с помощью лекарственных препаратов, наркотиков, анестетиков или каких-то механических приёмов, вследствие чего связь, скрепляющая астральную часть человека с физической, ослабляется, и тогда первая оказывается в состоянии получать несовершенные впечатления из астрального света.

К этому состоянию близко состояние чистой и хорошо сформированной сомнамбулы. Но если сомнамбула целиком зависит от своего магнетизёра и по пробуждении ото сна не помнит ничего из тех впечатлений, что получила, пока пребывала в том своём состоянии, то адепт, духовное сознание которого сроднилось с обычным его состоянием, способен входить в это состояние по собственной воле и отчётливо помнит все полученные им впечатления.

Как пишет П.Б. Рэндольф, [23]

*“Ничто не скрыто в сферах Элизийских,
Незримо то лишь теням, странствующим тут,
А то, что духу затмевает очи,
То — лишь гордыня, ненависть и блуд . . .”* [24]

Но одно дело видеть нечто, и совсем другое — понимать это “нечто”. Даже если вдруг сдёрнуть пелену с глаз непосвящённого наблюдателя, то открывшая его взору картина просто ослепит его. Это, как если бы слепой от рождения человек вдруг внезапно прозрел. Ошарашенный градом новых впечатлений и незнакомых ощущений, он оказался бы попросту неспособным вынести верное суждение об открывшейся ему картине и отделить один её элемент от другого.

Адепт же, способности которого возросли вместе с знанием, не только понимает всё то, что видит пред собою, но, познав управляющие вселенной законы, применяет их в собственной жизни и тем самым действует с природой заодно.

Для того чтобы знать, необходимо учиться. Но для того, чтобы научиться чему-то, нам необходимо и пользоваться соответствующими средствами, которые лучше всего подходят к нашей нынешней природе. Оказавшись в наивысшем состоянии осознанного экстаза, чистый мыслями, но невежественный человек ничего не поймёт из того, что увидит. Хуже того, он может, пожалуй, даже сойти с ума.

С другой стороны, самый отважный и просвещённый человек, чьё сознание, однако, омрачено эгоистичными побуждениями и всевозможными предрассудками, никогда не сможет пережить это состояние. Вот почему человек должен, во-первых, пользоваться как индуктивным, так и дедуктивным методами исследования, а во-вторых, быть в достаточной степени свободным от эгоизма.

Если в древности от ученика-окультиста требовалось блестящее знание математики и музыки, то лишь потому, что тот должен был загодя приучить свой ум к напряжённому логическому рассуждению, а душу свою познакомить с законами божественной гармонии вселенной.

Мы, таким образом, ничуть не желаем ни принизить значение, ни приуменьшить масштаб современных научных свершений.

Мы считаем, что они крайне полезны и необходимы для того, чтобы мы обрели такое состояние, при котором и может состояться наше посвящение в наивысшие истины, недоступные современной науке.

При этом мы утверждаем, что индуктивный метод, которым пользуется современная наука, сам по себе способен лишь на то, чтобы привести нас не далее, как только к подступам к подлинному знанию.

Как говорил древний мудрец: “Если хочешь обрести знание, то первым делом осознай: сейчас ты ничего не знаешь”. [25] Учёный, полагающий, будто он уже сегодня знает всё, за исключением отдельных деталей, соответственно и окажется в лучшем случае способным лишь на то, чтобы познать одни только эти отдельные детали. Адепт же знает: обычный человек, который с самого начала своего существования неуклонно движется всё вперёд и вперёд по направлению к своему главному конечному пункту, сегодня прибыл лишь на промежуточный полустанок.

Он знает, что мы сегодня достигли лишь четвёртой ступеньки на “лестнице Иакова”, [26] насчитывающей семь таких ступенек на пути к совершенству, а потому мы сегодня не в силах даже представить себе, какие способности человек обретёт в конце концов, — точно так же, как и зарытый в земле жёлудь не может знать, что в конце концов превратится в могучий тенистый дуб.

Современная наука сегодня оперирует лишь с двумя низшими человеческими принципами, тогда как остальные пять остаются ей совершенно неизвестны. Современная наука знает сегодня лишь о четырёх состояниях материи, тогда как адепты говорят нам о семи.

Взор современной науки сегодня ограничен лишь узким участком мира физических явлений, и сфера её исследований заканчивается у той черты, за которой прекращается всякое восприятие с помощью физических органов чувств.

Оккультная же наука переносит исследователя из царства феноменов в область ноуменов. Она учит тому, что человек — вовсе не единственное разумное существо во вселенной; что существуют пространства, завёрнутые внутри других пространств, планетные сферы, заключённые внутри других сфер, колёса внутри колёс. [27] Она утверждает, что объём неведомого нам бесконечно превышает объём того, что нам сегодня уже известно.

Она восходит в своих исследованиях к наивысшему первоисточнику мудрости, к вечному и неиссякаемому роднику всего сущего — к тому, что физическая наука целиком игнорирует, не видя в его изучения ни пользы, ни выгоды для себя.

Однако оккультист не просто верит в существование Наивысшей Причины, Абсолюта, он ещё и прекрасно знаком с её проявлениями во всех царствах природы.

Оккультист утверждает: существовать может лишь то, что есть Бог и что есть в Боге, хотя напрямую мы и не можем видеть божественной сущности-эссенции, а можем лишь наблюдать её в виде её проявлений, ведь то, что мы способны наблюдать с помощью своих физических органов чувств, не есть собственно сами вещи, а только их атрибуты.

Вот почему оккультист и утверждает: ни в какой своей форме материя не может иметь реального бытия, и весь мир форм есть не что иное, как непостоянный и вечно меняющийся результат космической идеации. Иными словами, формы — это лишь символы, в виде которых нашему сознанию представлены божественные идеи.

Древние и современные философы выражают эту истину разными словами, но сходятся в одном: в фундаментальном смысле предметы и идеи — одно и то же. Ещё много веков назад индусскими мудрецами было сказано: всё сущее есть один лишь Брахман, и все вещи являются лишь продуктами деятельности божественного ума, который развёртывает их из самого себя и придаёт им соответствующую форму силой своей Воли и в соответствии с определёнными и неизменными законами, именуемыми законами природы.

А если вышесказанное верно, то из этого следует, что сила этой Воли всемогуща. И тот, кто действует с ней в унисон, становится причастен и к её силам, а использование этих сил зависит от знания законов природы. Но, как и вся природа, сам человек — не что иное, как выражение божественной идеи, и его сознание есть в конечном счёте продукт космической идеации, а значит, и сам человек обладает божественной природой.

Познать вселенную и её законы возможно лишь путём совершенного познания природы человека — не того человека, каким он представлен сегодня в привычном его виде, а того человека, каким он будет представлен в окончательном своём состоянии.

Однако обрести совершенное знание вне опыта невозможно, а обрести опыт совершенного человека может только тот, кто сам стал совершенным. Подобное состояние совершенства человек не в силах обрести за срок своей одной-единственной жизни на земле.

Это такое состояние, которое в ходе эволюции станет обычным лишь для тех, кто выйдет победителем в борьбе между духом и материей.

А. В.

V. Запретный плод

Знание добра и зла

“И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги. . .”

Книга Бытия, 3:7

То знание, что лежит в основе всего разнообразия мировых религиозных систем, в корне своём является истинным — и нет ни малейших оснований в этом сомневаться. Что же до нынешних наших религиозных учителей, то это знание они обрели отнюдь не методом индукции или дедукции. Нет, все их познания опираются лишь на набор неких сведений, на существующую традицию и на людскую молву. Причём всё это круто замешено на их персональных воззрениях, которые зачастую оказываются весьма ошибочными.

Тот набор сведений, которым они располагают, никак не связан с лично пережитым опытом, а потому и не может являться подлинным знанием. И дело здесь не только в том, что сведения эти во многих случаях исходят из неизвестных или туманных источников.

Сами учения, какими бы истинными они изначально ни являлись, вскоре, как правило, переиначиваются и извращаются последующими популяризаторами.

Такому положению дел в значительной мере способствует и сама аллегорическая, символическая форма, в которой изначально учения передаются из поколения в поколение, так что с течением времени от них остаётся одна только их сказочная шелуха с начисто утраченным истинным смыслом.

Большинство этих “сказок” уже как будто изначально было придумано так, чтобы выглядеть нелепо и не укладываться в рамки здравого смысла. Они словно предупреждают: не принимайте нас в буквальном смысле!

Тем не менее, нетерпимая и невежественная толпа, увы, с горячностью верит в их подлинность, о чём и писал недавно американский журнал *“Искатель истины”* (Truthseeker). . .

Однако сегодня мы переживаем эпоху, когда ночь средневековых предрассудков подходит к концу, и после долгого сна вновь пробуждается к действию Разум. Свободе мысли и свободе слова сегодня уже ничто, как в былые времена, не угрожает. Мы видим, что появляются такие люди, как Чарльз Брэдлоу [28] и Роберт Ингерсолл [29] — они как раз и озвучивают новое общественное мнение, в котором эти “сказки” начинают восприниматься как опасные суеверия. Западный мир сегодня словно встряхивается, точно пробуждаясь от ночного кошмара и обнаруживая, что всё это время его просто-напросто водили за нос хитрецы-священники.

Но если все эти богословские побасёнки суть не более чем глупейшие сказки, нелепость которых способна рассмешить даже ребёнка, то как могло получиться, что в течение стольких веков они безраздельно властвовали над умами людей?

Может быть, из-за того, что под внешними масками на самом деле скрываются некие великие истины, которые мы не столько осмысливаем умом, сколько ощущаем интуитивно?

И не будет ли для нас лучше попробовать понять и верно истолковать их истинный смысл, чтобы в попытке разрушить суеверия мы ненароком не уничтожили вместе с ним и накопленную мудрость веков?

Истинное знание не может представлять опасности, поскольку оно уже по определению связано с мудростью. Что же касается знания, полученного в виде ограниченного набора сведений или путём одних только логических рассуждений, когда оно не содержит в себе никаких высоких соображений, во имя которых это знание должно применяться в практической жизни, то такое знание является запретным плодом, и обладать им опасно. С позволения читателя, мы хотели бы аллегорически пояснить свою мысль следующим образом: написал Библию Бог, а обнародовал дьявол.

Иными словами, если древняя каббала действительно содержит в себе огромный объём знаний, из которых во многом сложилась и сама Библия, то предание её гласности, последующая профанация и перетолкование привели к серьёзному обрушению всего прежнего жизненного уклада людей и обернулись на долгие века подлинным проклятием для человечества.

Более или менее символическим языком была изложена не одна только каббала, но и многие другие религиозные произведения: так они скрывали от глаз непосвящённых профанов свой истинный смысл. Почти все они в той или иной форме преследуют одну и ту же цель: поведать о переходе Человека от состояния первозданной чистоты к состоянию падения, за которым должно последовать его дальнейшее возвышение и спасение.

В каббале этот рассказ о “грехопадении” представлен в виде аллегории о первом мужчине и первой женщине, которые пребывают ещё в раю — т.е. в состоянии чистоты. Затем, по наущению дьявола — символа низких страстей, — они вкушают плод с запретного дерева — аллегории знания. Рассказ этот, если воспринимать его в самом буквальном виде, выглядит до крайности нелепым. Но если мы проникнем в его подлинный смысл, то обнаружим, что содержит он великую оккультную истину.

Целый ряд оккультных символов поддаётся двойной трактовке. Одна трактовка, понимаемая в более широком смысле, касается человечества в целом. Другая же затрагивает человека как конкретную личность, раскрывая, возможно, пережитый ею жизненный опыт. В более широком смысле грехопадение человека может трактоваться как погружение духа в материю, как эволюция человечества, в ходе которой оно обретает одежды кожаные — то есть физическое тело, защищающее его от вредных воздействий окружающей среды.

В более узком смысле эта “сказка” касается каждого конкретного человека, а также опасностей, которые тот может навлечь на себя развитием собственной интеллектуальности за счёт утраты духовности, в ходе чего обретенное знание, увы, лишается той мудрости, которая могла бы предотвратить злоупотребление этим знанием.

Процесс интеллектуального развития далеко не всегда сопровождается соответствующим же развитием нравственности, а, лишённое последней, это дающее силу знание может порождать и действительно порождает проклятие пострашнее иного суеверия и невежества. А о том, к каким безднам нравственного падения может привести лишённая духовности интеллектуальность, мы можем судить по ярким примерам той никому не нужной, звериной жестокости, с которой практикуется сегодня вивисекция животных. А ведь во многих случаях к ней прибегают из одного лишь пустого любопытства.

Ради экономии места и времени мы в подтверждение своих слов можем привести здесь лишь несколько строк, взятых из данных опроса, произведённого Королевской комиссией по расследованию практики вивисекции, но эти показания дают нам лишь самое слабое представление о том, что действительно творится в тысячах отдалённых уголков западного мира.

“2. Показания Дэвида Перьера, доктора медицины (практикующего вивисекцию), представленные Королевской комиссии:

Вопрос: Применяете ли вы обезболивающие препараты?

Ответ: Только для демонстрации студентам и тогда, когда нахожу это для себя целесообразным.

Вопрос: То есть вы хотите сказать, что страдания животных вас несколько не смущают?

Ответ: Ничуть! Когда производишь эксперимент, некогда думать о чувствах и страданиях животного.

Вопрос: Считаете ли вы, что подобное безразличие к чувствам животных является общепринятой практикой на всей территории Европы?

Ответ: Да, считаю.

Вопрос: Составляет ли Англия исключение в этом отношении?

Ответ: Нет, не думаю — во всяком случае не среди физиологов.

4. Газета The Medical Times and Gazette мельком упоминает об опыте над живой собакой. Опыт этот состоял в том, что ей в желудок было насильно влито около четверти литра кипятка в целях демонстрации того, что “животные ткани при этом способны претерпевать разрушения, а у животного после явных признаков страдания происходит рвота кровью, вслед за чем наступает смерть”!

5. Г-н Джесс Б. Миллз дал следующие показания Королевской комиссии:

Вопрос: Вы закончили Эдинбургский колледж?

Ответ: Да.

Вопрос: Ставили ли упомянутые вами опыты задачу обнаружить какие-то новые для вас явления?

Ответ: Нет, почти каждому студенту всё это было и без того прекрасно известно. Опыт был произведён из чистого любопытства”.

Подобная жестокость, однако, проявляется не только по отношению к животным. Сознание поколений людей было отравлено всякой дрянью, которая прививалась отчасти из-за погони за наживой, а отчасти — чтобы отстоять ошибочную научную теорию.

Что же касается последних усовершенствований в области огнестрельного оружия, то, возможно, они и помогли расширить границы современной цивилизации, но ничуть не поспособствовали росту духовности, а тот дух человечности, что был проявлен в ходе современных войн такими людьми, как Флоренс Найтингейл, [30] обязан вовсе не одной лишь тонкости их интеллекта.

Изобретение гремучей ртути, пороха и нитроглицерина породило немало страданий среди значительной части человечества. И вред заключается здесь не в самих этих веществах и высвобожденных силах. Виной тому являются либо людское непонимание, либо сознательное злоупотребление — они-то и порождают зло.

Если бы человечеству хватило ума для того, чтобы понять смысл управляющих им законов, будь люди достаточно мудры, чтобы применять все эти средства лишь в благих целях, никакого зла не последовало бы.

А теперь давайте сделаем ещё один шаг вперёд и представим себе, что правом применять взрывчатые вещества, яды и лекарственные препараты во вред остальным завладели наделённые высоким интеллектом, но при этом порочные и эгоистичные, люди.

Более того, давайте представим себе, насколько катастрофичными могут оказаться последствия, если эти интеллектуалы будут обладать ещё и способностью направлять свои собственные незримые ядовитые силы на далёкие расстояния, будут уметь по собственному желанию покидать своё физическое узилище-тело, и, действуя вне его в своём астральном облике, окажутся способны убивать или наносить вред другим.

И, нужно сказать, подобным запретным знанием обладали и даже сегодня ещё порой обладают люди с явными преступными наклонностями, — это просто факт, повсеместно известный на Востоке. Понимание не только возможности, но и реальности подобного знания как раз и лежало в основе всех гонений на ведьм в Средние века.

В целом ряде случаев [31] было твёрдо доказано, что поводом для судебных процессов над ведьмами послужили не просто галлюцинации и пустые сплетни. Мы также лично знакомы с одной женщиной, которая одним лишь усилием воли способна мгновенно умертвить какую-нибудь пичугу и вызвать судороги у собаки или болезнь у человека.

Однако губительными последствия таких действий могут оказаться не только для жертвы, но и для самого же обладателя запретного знания. Первым же желанием у обычного человека, вдруг обретшего такого рода знание, было бы сотворить какое-нибудь *“чудо”*. Но дело в том, что *“чудо”* — это вполне способно пошатнуть разум не только у посторонних людей, но и у него самого.

Подобным же образом на сознание людей иногда воздействуют даже современные научные открытия. Исходя из вышесказанного, нетрудно догадаться, почему Адепты — как бы горячо их об этом ни просили — никогда не производят оккультных феноменов на потеху толпы или для того лишь, чтобы убедить в своих необычайных способностях упрямых скептиков. Нередко мы слышим сожаления о том, что феномены эти производятся в таких условиях, когда у человека всегда остаётся место для сомнений в правдивости этих феноменов, но именно эти подозрения в мошенничестве и спасают наблюдателей от сумасшедшего дома.

А теперь давайте посмотрим, что говорит по поводу запретного плода барон Дюпоте:

“Что это такое, “дерево знания” и “запретный плод”? Может быть, это как раз и есть та таинственная сила, которая является предметом нашего исследования?

Если мы обратимся к священным книгам, то обнаружим, что в них содержатся глубокие познания о природе добра и зла. На первого человека и всё его потомство суровая кара обрушилась из-за того, что он преступил некие границы, за которые его заманил фатальный свет. Во всём этом лежит глубокая тайна. Человек всегда стремится обрести такое знание, которое сделало бы его равным Богу”.

Как мы уже убедились, человек живёт под постоянным давлением каких-то незримых внушений со стороны, а астральный план кишит такими сущностями и силами, которые непрестанно воздействуют на него, заставляя творить либо добро, либо зло в зависимости от его собственных наклонностей, нравственных предпочтений и интересов.

На нынешнем этапе эволюции у человека имеются управляющий его поведением разум и физическое тело, удивительным образом приспособленное к тому, чтобы корректировать воздействия астрального плана и оберегать его от “чудовищ из бездны”.

Физическое тело человека сформировано из целого ряда элементов — точно таких же, из которых состоит и весь окружающий его материальный мир. Астральная же его форма полностью соответствует тем принципам, что образуют астральный план, и способна притягивать их к себе оттуда. Если тело физически здорово, то оно способно действовать, как броня.

Более того, разумно пользуясь собственной волей, человек обладает способностью делать себя “положительным” — т.е. доводить окружающую его одическую ауру до такой степени концентрации, что броня его становится совершенно непроницаемой.

Если же по причине плохого здоровья, беспечного растранижирования своих жизненных сил или вследствие практики медиумизма человек делает себя “отрицательным” — иначе говоря, если он рассеивает в пространстве принадлежащие его собственной сфере одические эманации, — то тогда “броня” его слабнет и оказывается уже неспособной надёжно защищать его. В этом случае человек становится беспомощной жертвой элементариев и сил стихий.

Его ум и психика в конце концов утратят равновесие, и рано или поздно, подобно символическим Адаму и Еве, узнает он, что наг и что превратился в игрушку для таких сил, сопротивляться которым он не в состоянии. Он или просто потеряет рассудок, или превратится в законченного преступника, и тогда его ждут либо сумасшедший дом, либо самоубийство. В первом случае он разделит печальную судьбу знаменитого медиума Чарльза Форстера, [32] а во втором — П.Б. Рэндолфа, [33] как и многих-многих других, которые либо до них, либо после прошли тот же самый путь.

Таков неизбежный удел всех, кто в собственном невежестве мечтает об обретении знания, лишённого морали, об интеллектуальных свершениях, лишённых духовности, и кто бездумно заигрывает с силами, природу которых не понимает.

Наделить человека невежественного и слабовольного огромными разрушительными силами было бы равносильно тому, чтобы дать ребёнку поиграть банку с порохом, а в придачу к ней вручить ему ещё и коробку спичек. Всякому, кто вступает в храм знания, не пройдя перед тем должной подготовки, придётся дорого заплатить за собственное безрассудство.

Современная наша наука своей рукой уже тянется к этому запретному плоду, но если сорвёт она его без надлежащего позволения, то приведёт всю нашу расу к неминуемой гибели.

Итак, мы вернулись к тому, с чего и начали, когда говорили о том, что процессы интеллектуального развития и духовного просветления должны идти рука об руку и что аномальный рост какого-то одного из этих двух направлений вредит подлинному развитию человека.

Стать настоящим Адептом значит путём углубления своих знаний и вдохновляясь наивысшими идеалами, неустанно развивать всё лучшее и доброе, что в нас заложено. А значит, и все “практические указания”, которые ему необходимо знать, можно свести к тем нескольким словам, которые были сказаны автору этих строк, когда он ещё только вступал на путь изучения оккультизма.

Один из высоких Адептов сказал ему тогда: *“Живи сообразно твоему наивысшему идеалу подлинного Человека”*.

У ума есть две гигантские силы: Воля и Воображение. В мире дикой природы и у существ, недалеко ушедших от неё, воля целиком подчинена воображению. У более высокоразвитых существ, однако, воображением управляет воля.

Умение управляться с волей и воображением таким образом, чтобы производить полезные и гармоничные следствия, называется Мудростью. Но мудрость не может передаваться словами, она обретается путём внутреннего переживания, а такие переживания зачастую включают в себя немалые личные страдания.

Тем не менее, страдания эти можно облегчить, если должным образом следовать соответствующим указаниям.

Человек — дитя обстоятельств. Мы не можем сказать, что он обладает свободой воли, коль скоро он остаётся в плену у воображения. А воображение его, в свою очередь, зависит от его внутренних склонностей и знаний. Вот почему человека нельзя считать существом, целиком несущим ответственность за свои действия, если он не обладает всем необходимым для этого объёмом знаний.

Однако с ростом знаний растёт и его ответственность. Когда в ходе эволюции человек неизбежно раздвинет границы своих знаний, ему станет гораздо легче решать и вопрос выбора между добром и злом. И если воображение его сохранит свою незапятнанную чистоту, вот тогда-то он и обретёт подлинное могущество, а *“запретный плод”* окажется божественным даром. Человеку больше не понадобится для защиты физическое тело, поскольку он сможет защитить себя собственной силой. И дьявол в образе змея, символа астрального света (области страстей) вместе со всеми его обитателями, окажется поражён в голову пятой жены, [34] означающей Божественную Мудрость (женский принцип, духовную душу), смерть будет побеждена, и вся наша планетарная цепь станет царством доброй воли, после чего настанет период покоя в нирване, а затем *“при общем ликовании утренних звёзд”* [35] настанет новый день творения.

VI. Воображение [36]

“Вселенная — это продукт божественной мысли”.

Первой же силой, с которой человек столкнётся, вступив в область практического оккультизма, будет сила воображения. Человек всегда осознаёт, что не только обладает определёнными идеями, но что он ещё и способен облекать эти идеи в ту или иную форму.

Он обладает определённым внутренним миром, который принадлежит только ему одному — там-то эти идеи и существуют. В этом мире ума он — единственный и самовластный царь-государь, под его властью находится любая тварь этого мира, и ему принадлежит всё, что только в нём есть. Он безраздельно правит этим миром силой своей воли, и если туда самочинно вторгаются какие-то непрошенные идеи, то только в его власти либо покончить с ними на корню, либо позволить им и дальше в этом мире существовать и развиваться.

Мир этот чем-то похож на мир внешний — то на него спускается ночная мгла, то он купается в лучах яркого дня. И само его пространство, и всё, что внутри него заключено, так же реальны для его обитателей, как реален и объективен наш физический мир для наших органов чувств. Пространство его может быть и узким, и широким: у кого-то оно пребывает в жёстких пределах, а у других оно не знает пределов вообще. В нём есть и свои изумительные по красоте пейзажи, и глухие, жуткие закоулки, куда лучше не ступать ногой никогда.

В нём сейчас может светить яркое солнце, а через минуту налетит вдруг неистовая гроза. В нём есть и своя красота, и своё уродство.

Одному лишь наделённому интеллектом человеку и дано такое особое право: погружаться в этот мир по собственному желанию. Физические враги последовать туда за ним не в силах.

Этот мир не знает физических страданий, и любые тяготы материальной жизни останутся снаружи. Внутрь же вслед за ним могут последовать лишь невежество и предрассудки.

Возьмите какого-нибудь малокультурного, грубого человека: стоит ему только закрыть глаза и заткнуть себе уши, как в нём словно бы и прекращается всякая человеческая жизнь. Во внутреннем его мире нет ничего, что могло бы привлечь к себе его внимание.

Поэт же, художник, погрузившись своим внутренним “я” в затаённые уголки собственного ума, обнаруживает, что его взору открываются ослепительные красоты. Охваченный восторгом, вслушиваясь в их мелодические гармонии, он забывает о существовании объективного мира.

Что же до подлинного Адепта, то он способен сознательно порождать из себя эти образы, руководствуясь лишь собственной тренированной Волей. Он способен сам создавать для себя такую окружающую среду, какая ему больше всего по душе, причём, пользуясь той же силой, он способен эту окружающую среду делать видимой не только для самого себя, но и для всех других.

Воображение лежит в основе любой магической операции, а магия всегда неотрывно связана с искусством. Как первая, так и второе одинаково облачают детища своего воображения в объективную форму. Отличаются они друг от друга лишь тем, как они это делают. Возьмите, например, скульптора.

Возникший у него в уме прекрасный образ он сначала переносит своим сознанием на мрамор, а затем, пользуясь уже механической силой, освобождает эту форму от всех неправильностей, в результате чего у него может получиться образ какой-нибудь Венеры или Аполлона. Живописец же переносит творения собственного воображения на холст и, пользуясь красками, делает их видимыми для всех. А маг умеет придавать форму тому или иному образу сначала в собственном уме, а затем проецировать его непосредственно в сознание других людей.

А может действовать и по-другому: спроецировав этот образ в пространство, он, пользуясь силой притяжения собственной Воли, может облечь его в материю, придав ему полную зримость и осязаемость.

Эта способность Адепта проецировать [из себя] образы отнюдь не так невероятна и труднообъяснима, как об этом принято полагать, и именно она лежит в основе таких феноменов, как чтение и передача мыслей на расстояние, а иногда и ясновидение. Если мы со всей ясностью осознаем тот факт, что наивысшая интеллектуальная деятельность порождается неким универсальным принципом, а точнее говоря, является функцией Вездесущего Духа, то нам будет вовсе не так уж трудно осмыслить и то, каким образом вибрации, создаваемые таким центром сил, который называется мозгом, способны с помощью Воли передаваться и фокусироваться в любой другой *“части”* этого же принципа.

Образы, передаваемые таким образом умом одного человека другому, могут внедряться в сознание последнего, когда тот находится как в бодрствующем состоянии, так и в состоянии сна. Однако способность к передаче образов всегда предполагает и наличие способности к их приёму, а значит, не только образы передающего должны быть достаточно сильными, чтобы внедриться в сознание получающего, но и последний должен обладать достаточно тонкой сенсорной организацией, чтобы, находясь в *“рецептивном модусе”*, [37] правильно воспринять эти образы. Ведь, например, глухой человек не сможет воспринять ни единого звука, как и в мозг трупа уже не удастся внедрить ни одного образа.

Для достижения необходимой сверхобычной степени рецептивности используется набор самых разнообразных средств. Все они призваны либо ослабить, либо на какое-то время приостановить бурю бушующих в физическом организме жизненных сил. Эта задача решается путём подавления их витальности. Однако все эти практики могут оказаться столь же опасны, сколь и эффективны для человека.

Безопасность и надёжность в достижении поставленной цели могут быть обеспечены лишь одним: сохранением всегда и при любых обстоятельствах невозмутимого спокойствия ума.

Поверхность подёрнутого рябью озера способна лишь исказить отражённые на ней образы. И если наш внутренний мир оказывается во власти бушующих и мятущихся стихий, если он оказывается затуманен предрассудками и омрачён невежеством, если он обманут желаниями и потревожен страстью, то и подлинные образы наблюдаемых в нём вещей окажутся в той же степени искажёнными.

Состояние нашего воображения — это важнейший фактор в деле наблюдения и верной оценки вещей, а предметы, которые мы видим, или идеи, которые являются нашему уму, могут вызывать у нас то положительную, то отрицательную реакцию — это зависит от наших внутренних склонностей и от нашего мировосприятия. Дикарь, например, в скульптуре Венеры увидит лишь диковинный кусок камня, а прекрасное живописное произведение окажется в его глазах лишь куском запачканного красками полотна.

Истинному поэту лес представляется царством фей, а в громадах нависающих над пропастями скал или в бегущих по небу скитальцах-облаках ему чудятся диковинные, загадочные образы, тогда как малодушному трусу в каждом углу видятся одни лишь затаившиеся враги и призраки. Жадный скупец, вглядываясь в красоты природы, думает лишь о том, сколько всё это стоит в пересчёте на деньги. Подлинное искусство обнаруживает красоту повсюду, и тот, кому не чужда поэзия, воспринимает всё в природе как некий символ, и всё в ней рождает в нём поэзию и предлагает ему новые идеи.

Те образы, которые формируются в уме человека посредством его воли или вследствие полученных впечатлений, могут активно воздействовать и на его физическое тело. Они способны изменять и исказить черты его лица: либо временно, либо — при регулярном повторении — навсегда. Сила воздействия этих образов такова, что волосы человека могут посесть буквально за один час. Эти воздействия способны оставить на теле ещё не родившегося ребёнка неизгладимые отметины, они могут изуродовать весь его скелет и даже убить его.

Они способны сделать так, что раны, нанесённые одному человеку, окажутся видимыми на теле совершенно другого человека. Они способны вызывать болезни и исцелять от них, они могут наводить на человека галлюцинации, видения и производить “стигматы”.

Во всех царствах природы мы наблюдаем, как воображение творит свои “чудеса”, осознанно или бессознательно. В животном мире нередки случаи так называемой “защитной окраски”, когда животное принимает окраску той окружающей среды, в которой обитает. Считается, что полосы на шкуре тигра похожи на длинные стебли произрастающих в джунглях растений, а пятна у леопарда напоминают яркие блики света, падающего сквозь листву. [38]

Причиной тому выступает могучее влияние окраски местности на воображение животных во время их спаривания. Однако стоит лишь изменить в это время окраску окружающей среды, как животные произвольно изменяют и собственную окраску.

Под влиянием человеческого воображения силы природы способны определённым образом воздействовать на астральный план, создавая в нём особые тенденции и формы, которые в ходе своего дальнейшего развития находят выражение в материальных формах.

Таким образом, — как об этом многократно говорится и в оккультных трудах — различные пороки человека порождают и чудовищные животные формы, а также служат причиной существования вредоносных растений и ядовитых пресмыкающихся.

Однако по мере очищения человеческого воображения будут со временем исчезать и последние остатки отвратительных животных форм, и вся Земля превратится в воплощение красоты и утончённости.

Так при каждом новом “дне творения” каждая планета всегда обретает более совершенные формы по сравнению с теми, какими обладала в тот свой последний “вечер”, когда волна жизни в своём циклическом “круговороте” перешла на следующую планету, чтобы исполнить на ней своё назначение — и происходит всё это в результате невообразимой по своей глубине и возвышенности идеации Мирового Ума.

И когда по прошествии несказанного множества веков заданный “*в начале*” импульс в очередной раз пройдёт через все свои семь кругов и на этом завершится великий “*год творения*” и когда затем вся наша Солнечная система вновь очнётся от очередного “*сна*”, а пробуждающийся Брахма снова начнёт порождать формы, то его более возвышенное и совершенное воображение создаст и новый мир ещё более возвышенным и совершенным.

Когда мы пребываем в обычном, нормальном, состоянии, нашим воображением управляет наша же собственная воля. Однако в сверхобычных, аномальных, состояниях место нашей воли может занимать чужая. Спящий человек неспособен контролировать поступки самого же себя, действующего в сновидении, хотя ему может казаться, что он полностью управляет собственной волей.

Всё, что он наблюдает в своём сновидении, представляется ему совершенной реальностью, и он ничуть не сомневается в полной субстанциальности этой реальности. Внешние же, физические, предметы перестают для него существовать вообще — до его сознания не доходит даже сама возможность их существования.

Так, он может увидеть перед собой глубокий ров, и ему может сниться, будто он напрягает всю свою волю, желая перепрыгнуть через него. По сути же дела, собственной волей он не пользуется — он лишь подчиняется тем импульсам, которые у него сформировались прежде, когда он находился в бодрствующем состоянии.

Введённый в состояние “*транса*” человек может оказаться в такой зависимости от воздействия “*магнетизёра*”, что целиком утрачивает собственную волю, и теперь его уже начинает вести за собой одно лишь воображение этого оператора. Каналы его внешних органов чувств плотно закрываются, и всё пространство его жизни ограничивается лишь пространством идей, в котором нет места никаким материальным объектам и куда никакие подобные объекты попасть не могут.

Но, тем не менее, всё, что он наблюдает, является для него совершенно реальным, и если оператор создаст в его воображении образ пропасти — а для этого ему достаточно мелом провести обычную черту на полу, — то *“субъект”*, подойдя к ней, испытает такой же ужас, какой испытал бы, находясь в своём обычном состоянии, если бы увидел прямо у своих ног бездонную пропасть.

И если оператор окажется настолько жесток, что прикажет пребывающему в состоянии транса человеку прыгнуть в эту бездну, то последствия этого могут оказаться самыми драматичными.

Стакан обычной воды, превращённой волей *“месмеризатора”* в воображаемое вино, может вызвать у человека состояние опьянения, хотя, оставаясь этот человек в своём нормальном состоянии, этого никогда бы не произошло. А если обычную воду *“превратить”* в воображаемый яд, то эта простая вода способна причинить вред здоровью сенситива и даже убить его.

Сильный *“месмеризатор”* способен производить в своём уме различные картины, самые прекрасные, и самые ужасающие, а перенося их при помощи собственной воли в ментальную сферу сенситива, пусть даже и находящегося в обычном своём состоянии, он может вызывать у него как чувство наслаждения, так и муки страдания. Характер этих плодов воображения, созданных как осознанно, так и бессознательно, как раз и объясняет то, почему одни люди нас привлекают, а другие отталкивают, откуда возникают эти симпатии и антипатии как среди людей, так и в царстве животных.

В зависимости от определённых условий эти детища воображения, как и их материальные символы на физическом плане, могут иметь более или менее долговременный эффект. Высокодуховные идеи производят более прочное впечатление, чем те, что исходят из нижнего плана бытия. Известно, что, когда мы покидаем свои родные места, где прожили долгое время, мы, как правило, безо всякого труда вспоминаем только приятные для нас события, тогда как неприятные стираются из нашей памяти, если только они не наложили глубокого отпечатка на наше сознание.

Всё то, что вызвало у нас когда-то внезапный страх или как-то иначе сильно подействовало на наше воображение, сохраняется у нас в памяти не только на всю оставшуюся жизнь, но не исчезает и после смерти. Любую идею, внедрённую в наше сознание в ходе ли обучения или научных исследований, бывает уже не так-то легко искоренить или разрушить. Если человек при жизни верил в адский огонь и вечные муки, то погрузившись после смерти в состояние субъективности, все те жуткие картины ада, которые ему рисовало воображение при жизни, могут вдруг предстать перед его внутренним взором.

Его тело действительно мертво, ибо физическое тело всегда умирает. Однако душа, испуганная рассказами о них, может действительно вновь устремиться в покинутое тело и тогда всеми силами будет цепляться за него, отчаянно ища спасения. Она чувствует, что, живая, находится в могиле, где может вторично пережить ещё более ужасные муки смерти, а может, посылая свою астральную форму в мир живых ради поиска пищи для себя, превратиться в вампира и на некоторое время продлить своё ужасное существование.

Подобные случаи особенно многочисленны именно в христианских странах, и наилучшим средством против них является подлинное народное просвещение, а также кремация тела вскоре после смерти.

С другой стороны, даже осуждённый на смерть убийца будет твёрдо убеждён в том, что с места казни он одним прыжком окажется прямо в ангельских объятиях, если ещё до того, как вступит на эшафот, он будет соответствующим образом *“подготовлен”* священниками, которые уверят его в спасении и посеют ложную веру в то, что грехи его будут полностью прощены. И, действительно, погрузившись в субъективное состояние он может и в самом деле увидеть перед собой плоды собственного воображения, что тем самым и спасёт его от судьбы вампира.

Но вот спасут ли его действительно священники и принесёт ли это *“спасение”* настоящее благо ему самому или только задержат ход его развития, отложив на время действие кармы, это вопрос, который мы не станем пока здесь затрагивать.

Всё, что до сих пор говорилось о развитии воли, можно применить и по отношению к развитию воображения, поскольку укрепить и воспитать воображение можно только при помощи воли. Бездействие воли делает пассивным и воображение, и тогда ум начинает без всякого разбора черпать отражения образов, хранящихся в астральном свете.

Именно поэтому всяческие гадалки и предсказатели судьбы, прибегают к помощи самых различных вспомогательных средств: всевозможные кристаллы, игральные карты, кофейная гуща и пр. позволяют им сосредоточить на них своё внимание и тем самым освободить воображение из-под контроля воли — так они и вызывают у себя сон наяву.

Жизнь не случайно называют сном. Но от всех прочих снов она отличается лишь тем, что, пока мы занимаем собою физическое тело, нам с помощью воли удаётся управлять своими мыслями и поступками. Когда же во время сна или после смерти мы оказываемся в состоянии субъективности, подобный контроль отсутствует. Вот почему крайне важно, чтобы воля наша управлялась только наивысшими побуждениями нравственного порядка и всё своё время мы посвящали воспитанию чистого и возвышенного воображения.

А. В.

VII. Интуиция [39]

Вера и способность к разграничению понятий

"Без веры нет величия в этом мире."

Сэр Булвер-Литтон

Каждый человек от рождения обладает зачатками тех или иных оккультных способностей. Однако у большинства людей они так и остаются "дремлющими" и неразвитыми. Для того чтобы по-настоящему развить и привести их в действие, человек должен пройти три обязательных этапа: этап учёбы, этап понимания и этап работы, или, как определил их Э. Леви, этапы теории, осмысления и адаптации. Следствием учёбы становится понимание.

Если же главная цель первого этапа не достигнута, то не произойдёт и подлинного осмысления. С другой стороны, если обретенное знание будет оторвано от практической деятельности, от работы, то его невозможно будет приноровить ни к какой практической цели: оно так и останется мёртвой буквой.

И только направляемая знанием работа при поддержке регулярного практического опыта способна развить волю и сформировать постоянно действующую Силу.

Злейшими врагами Силы являются сомнение и страх. Надёжнейшим её помощником выступает вера. Всё, что мы делаем каждый день — ходим ли, двигаем ли руками или ногами, — мы совершаем легко и непринуждённо лишь потому, что внутри нас присутствует неколебимая вера в то, что мы способны совершать подобные действия.

Иногда, однако, встречаются случаи, когда у человека наступает паралич воли: больной не может самостоятельно передвигаться лишь потому, что ему не хватает веры в то, что он способен это сделать.

Но твёрдая воля вкупе с полной уверенностью в успехе способна вершить чудеса. Неуверенный в себе врач может совершить массу ошибок, а если его собственные сомнения разделяют вместе с ним и его клиенты и больные, то никакой пользы такой врач никому не принесёт, тогда как любой невежественный коновал или шарлатан может легко достичь успеха, если его уверенность в себе передаётся также и другим, ибо в этом и лежит главная предпосылка успеха. [40]

Таким образом, даже не подкреплённая глубокими знаниями вера может оказаться полезнее не подкреплённого твёрдой верой — а значит, и бездействующего — знания. Несокрушимая вера, даже если она и покоится на ложных представлениях, способна приводить к удивительным результатам.

К примеру, медиум, твёрдо убеждённый в способности своих “духов” проявляться, не подвергает эту их способность ни малейшему сомнению — для этого нужны, дескать, лишь “благоприятные условия” и желание “духов”. Но если только он попытается осуществить эти манифестации при помощи одной лишь собственной силы воли, в которую сам не очень-то и верит, то, как правило, ничего у него не получится, и ему придётся прибегнуть к одному лишь средству — обману. Польза от любой молитвы или какого-нибудь обряда как раз и состоит в их способности порождать в человеке веру и ещё более укреплять её. Вера может приводить воображение человека в состояние экзальтации, и тогда он перестаёт ощущать боль, способен исцелять болезни, совершать геройские поступки и превращать самый ужасный ад в настоящие райские кущи.

Как пишет сэр Булвер-Литтон, *“жертвами всякой призрачной нежити обычно становятся те, в ком живут высокие порывы, но претворить их в жизнь им мешает лишь одно: их собственный страх”*. Страх и сомнение — вот два адских порождения невежества, влекущие человека к гибели. Вера же — это белокрылый ангел, отдающий свои крыла человеку и дарующий ему силу. *“Сансаятма винасьяти (“сомневающийся погибнет”)*”, — говорит Кришна своему любимому ученику, Арджуне. [41]

Однако на пути к успеху человека подстерегают и два других врага: забывчивость и небрежение. Та душа, которая неясно представляет себе цель, к которой стремится, зачастую чахнет, и для подкрепления сил ей требуются неустанные усилия.

Как и в случае с волей и воображением, для укрепления веры необходима постоянная практика. Чем отчётливее осмысляется идея, тем полнее она будет и реализована. Именно этой задаче и служит множество разнообразных знаков, символов и слов, которые широко применяются при отправлении различных религиозных обрядов и при совершении магических операций.

Никакой знак, как и никакая буква или слово, не несут в себе никакой пользы, если не передают определённого смысла и, если этот смысл глубоко не осознаётся тем, кто данный знак применяет.

Поэзия Шекспира и Шиллера, красноречие Демосфена и логика Платона останутся пустым звуком для того, кто слышит их, не понимая их языка. Точно так же и любой магический знак — пусть даже он и заключает в себе самую могучую силу — окажется просто бессмысленным рисунком для того, кто не может понять его смысл. Однако для того, кто искущён в оккультной науке, даже самая простая геометрическая фигура — обычная линия или точка — будет заключать в себе огромный смысл.

Давайте для примера обратимся к пентаграмме, то есть пятиконечной звезде. Когда-то суеверные и простодушные люди верили, будто самые злые бесы улетят в ужасе прочь при одном только виде этого знака. Они были убеждены, что он способен защитить их жилища от колдунов и ведьм.

Где только знак этот нельзя встретить: на коробках с товарами он изображается в качестве торговой марки, на торгующих алкоголем магазинах и на домах разврата в виде украшения, а в штате Техас этот знак служит в качестве официальной печати. Если не понимать его смысла, то он — ничто, просто самая обыкновенная геометрическая фигура. Тем не менее, при мудром его применении человек может обратиться в бога.

Знак этот символически изображает (помимо всего прочего) человеческий микрокосм и его власть над силами природы. Четыре нижних треугольника означают силы четырёх стихий природы, включая все их корреляции и взаимодействия. Они указывают на подстерегающие человека опасности со стороны физического и астрального планов бытия, а также на искушения, которым человек подвержен вследствие наличия у него чувств.

Однако все эти треугольники взаимосвязаны с верхним треугольником — обителью мудрости и разума, — треугольником, на который все они оказывают своё воздействие, но который и сам воздействует на всех них. Научившись управлять низшими инстинктами при помощи мудрости, человек обретает власть над силами природы.

Рисуя этот знак, мы должны быть крайне осторожны: необходимо чётко прорисовывать каждую линию, не оставляя никаких пропусков. Это значит, что мы должны постоянно удерживать все страсти под контролем. Стоит позволить хотя бы одной-единственной любимой страстишке проникнуть в храм без надзора, как вся гармония целого тут же разрушится.

Однако, вписывая все элементы нижних треугольников в высший и подчиняя их тем самым высшему, мы устанавливаем равновесие. Результатом этого станут сила и бессмертие. А образуемый вершинами треугольников круг обратится в квадрат, символ совершенства, и это будет означать, что человек выполнил своё предназначение.

Тому, кто владеет знанием, один-единственный знак может сказать гораздо больше того, что может быть выражено на несовершенном человеческом языке.

“Христианин” в знаке креста видит образ орудия пытки и смерти. Для оккультиста же это символ двух главных энергий природы: энергии притяжения и энергии отталкивания, материи и духа, мужского и женского начал. Точка пересечения двух прямых олицетворяет центр мудрости, “розу креста”, центральное солнце Вселенной.

Владеющий этим знаком — то есть тот, кто обрёл мудрость (центральная точка) и умеет верно управлять противодействующими силами природы, — всегда и во всём будет одерживать победу. Выражение *In Hoc Signo Vice* [42] вовсе не означает, что для достижения успеха в жизни мы всегда должны прицеплять этот знак к своей одежде. Нет, это значит, что мы должны понимать смысл этого знака и уметь пользоваться им.

Одним из важнейших знаков, точное понимание которых дарует человеку силу, являются два сплетённых друг с другом треугольника, окружённых изображением змеи, кусающей собственный хвост. [43]

Человек, глубоко понимающий смысл этого знака, владеет знанием законов эволюции и инволюции [44] — законов, по которым происходит нисхождение духа в материю и обратное восхождение материи к духу. Он знает о том, что в вечности действуют некие нескончаемые циклы вместе с их *“днями”* и *“ночами”*.

Нам хорошо видны шесть точек в образованной треугольниками звезде. Седьмую же, расположенную в самом центре, увидеть невозможно. Из этого незримого центра великое духовное солнце испускает свои силы, образуя круг, периферия которого не имеет пределов и не поддаётся никакому осмыслению. Это солнце то развёртывает из себя системы миров, то свёртывает их обратно, втягивая назад в своё лоно.

Любой знак всегда выражает ту или иную идею и помогает нам глубже осмыслить эту идею. Но ни один знак не принесёт пользы, если не уметь его правильно применять. Как гласит старая пословица, *“благими намерениями вымощена дорога в ад”*. Однако и никакое намерение не принесёт нам пользы, покуда оно не приведено в действие. Чтобы воля принесла хоть какой-то результат, она должна стать действием. Направляемая мудростью активная воля олицетворена в каббале в образе Слова.

Выражение *“в начале было слово”* означает, что, проявившись посредством силы, мудрость превратилась в действие и тем самым вызвала к бытию всю Вселенную.

Любое слово, любой язык служат для выражения той или иной мысли. Но никакой язык, никакое слово не могут быть совершенны, если выражают назначенный им смысл несовершенным образом. На нынешнем этапе цивилизации слова служат в основном лишь для того, чтобы скрывать собственные мысли и производить на других ложное впечатление. А коль скоро слова наши фальшивы, то таковы же и следующие за ними действия: слова, лишённые мудрости, и действия, лишённые правдивости.

Умение совершенным образом выражать ту или иную идею и составляет искусство магии, тогда как любое воздействие на воображение человека в целях создания у него ложного впечатления, является колдовством, обманом и ложью, особенно если это делается сознательно в целях получения путём мошенничества личных выгод. [45]

А такое колдовство совершается каждый день и встречается среди практически всех слоёв общества: это может быть и выступающий с кафедры проповедник, ловко создающий у аудитории впечатление, будто держит в собственных руках все ключи от неба и ада, и надувающий своих покупателей купец. Действия такого рода публично осуждаются, но в тайне совершаются.

А поскольку мораль человечества отстаёт от его же интеллектуального развития, то это значит, что подобные действия будут повторяться и впредь, и закончится всё чёрной магией, которая и приведёт в конечном счёте народ к гибели. [46] Подобную судьбу уже разделили некоторые прежние цивилизации, и действие этого закона мы можем наблюдать в наши дни.

В той же мере, в какой растут силы добра, нарастают и силы зла, ибо ни добро, ни зло в абсолютном смысле не могут существовать по отдельности, сами по себе. Это — лишь соотносительные термины, а значит, и то, и другое может существовать только в связке друг с другом. Вот почему порой бывает чрезвычайно трудно распознать, что есть добро, а что зло.

Поэтому самой первой способностью, которой должен овладеть изучающий оккультизм, является способность к разграничению понятий. Если бы никогда не было нарушено изначальное равновесие, то не возникло бы и никакой жизни. Если полюса у магнита нейтрализуют друг друга, то не может возникнуть и никаких магнитных явлений. Когда чувство любви уравнивается с чувством ненависти, то в результате рождается безразличие.

На планах относительного бытия любая избыточность в ту или другую сторону всегда вредна. На плане же абсолюта никакой избыточности возникнуть не может, поскольку абсолют бесконечен уже сам по себе. Никакой избыточности не может присутствовать ни в абсолютной справедливости, ни в абсолютной мудрости, ни в абсолютной истине. На низших же планах бытия всё должно взвешиваться на весах с помощью способности к разграничению понятий.

Если мы умеем чётко отличать одно от другого и способны оценивать всё по достоинству, тогда мы можем сказать о себе, что овладели подлинной оккультной силой. Если нам необходимо произвести какое-то механическое или химическое действие, то мы должны научиться точно отличать одни силы природы от других.

Если вы хотите управлять каким-нибудь человеком, то вам следует сначала глубоко изучить его и затем отождествить себя с его чувствами, но при этом и ментально, и духовно вы всегда должны оставаться над ним. Если же вы хотите управлять тем или иным духом, то должны сперва войти в сферу его доминирующей мысли, затем морально подняться над ним, и тогда вы сможете привлечь его к себе и тащить за собой куда только вам заблагорассудится.

Лишь обладая разумным и взвешенным умом, и можно научиться строгому разграничению понятий и уметь отличать реальное от его вечно изменяющихся форм. Только обладая таким умом, и можно погружаться в скрытые тайны природы, в слепящую тьму её бездн. Только такой ум и позволит человеку открыть в себе внутреннее зрение и те великие силы, которые перейдут к нему в процессе посвящения.

Достигшему этой ступени уже больше не нужно будет заниматься поисками учителя-Адепта. Жаждающий дальнейшего обучения, он сам привлечёт Адепта к себе, как привлекает и обычного человека к себе любая красота — будь то даже красота какого-нибудь животного или полевого цветка.

Будет ли взошедший на вершину высокой горы просить кого-то принести ему чистого воздуха? Нет, ведь чистый воздух окружает его со всех сторон. Царство мудрости не имеет пределов в своём пространстве, и если человек обладает восприимчивым умом, то он не будет страдать от недостатка притока божественного вдохновения. Вдохновение же предполагает наличие у человека возвышенных устремлений, а стремиться к чему-то высокому лучше всего в действии.

Способность к точному разграничению понятий или, иными словами, умение воспринимать истину ясно и отчётливо, когда она уже не оставляет у человека ни малейших сомнений в своей истинности, и называется интуицией. Такова наивысшая степень интеллектуальной деятельности, и она является итогом практики и развития человека, имевших место как в одном из его предыдущих воплощений, так и в нынешнем. Это и есть тот самый наивысший разум, а потому и плоды его не могут противоречить тем результатам, к которым мы приходим путём [логического] рассуждения, при условии, что будем рассуждать с позиций наивысшего плана бескорыстной мысли.

Однако на низших планах бытия наши личные интересы могут приходить в противоречие с велениями нашей интуиции, и если мы на долгое время перестанем внимать голосу интуиции и совести, то восприятие духа у нас затуманится, и мы утратим этот дар наивысшей интуиции.

В той школе, которую проходят все ученики-окультисты, имеется много классов. Каждый класс — целая жизнь. И время каникул в ней может наступить чуть раньше, чем усвоен тот или иной урок. А то, что уже усвоено, может за время каникул и забыться. Однако общее впечатление всё равно останется, а то, что было однажды выучено, может легко вспомниться опять. Вот почему разные люди и обладают разными талантами.

Вот почему одни люди больше расположены к добру, а другие — ко злу. Ни одно усилие никогда не пропадает зря, каждая причина производит соответствующее следствие. При этом никому не обещано никаких поблажек, и никакого искупления собственных грехов за чужой счёт не бывает.

Слеп и глух великий закон справедливости, и каждому воздаёт он по его собственным заслугам и прегрешениям. Но если человек свободен от корыстных мечтаний о награде, если он малодушно не трепещет от страха перед наказанием, если имеет в себе мужество поступать достойно, потому что просто не может поступать иначе, то такой человек выстроит всю свою внутреннюю жизнь в соответствии с этим законом, и лишь в гармонии с этим законом обретёт он свою Силу.

А. В.

VIII. Реальное и нереальное [47]

“Нет бога, кроме Бога”.

Коран [48]

В необъятных просторах Вселенной мы всюду наблюдаем практически бесконечное разнообразие форм. Эти формы принадлежат различным царствам природы и проявляются в неисчерпаемом богатстве внешних обликов. По самой своей сути образующая эти формы субстанция, насколько нам известно, может состоять из того же материала, что и структура этих форм, однако её качества, такие как плотность, вес, химическая активность и т. д., могут различаться. Саму субстанцию мы не видим, а видим лишь формы, которые отличаем друг от друга по их особым атрибутам — они-то и воспринимаются нашими органами чувств.

Благодаря этим атрибутам мы можем отличать одну форму от другой и давать каждой особое название, выделяя её среди других форм. Если, к примеру, мы смотрим на дерево, то у нас нет никаких научных доказательств, что та вещь, которую мы видим перед собой, является именно деревом. И если мы никогда перед этим не видели ни одного дерева, то не будем и знать, что такое “дерево”.

Если же ранее нам уже доводилось видеть похожие вещи, которые были известны как “дерево”, то наша интуиция подскажет нам: то, что мы сейчас видим перед собой, должно быть именно деревом и не может являться ничем иным.

Всё, что находит для себя выражение в той или иной форме, принято называть “вещью”, но любая вещь способна принимать различные формы, хотя субстанция её при этом будет оставаться прежней.

Так, воду можно заморозить и превратить в лёд, а можно с помощью теплоты преобразовать в пар: иными словами, её субстанция может обретать разнообразные атрибуты, но при этом она будет сохранять свою сущность, даже когда будет переходить в невидимое для человеческого глаза состояние. Её атрибуты могут исчезнуть из поля нашего зрения совсем, и, тем не менее, вещь будет продолжать существовать в виде идеи.

Любая материальная вещь есть не что иное, как символ или внешнее выражение той или иной идеи. Мы можем дать вещи имя, но при этом сама вещь будет всегда скрыта от нас непроницаемой пеленой. [49] Мы можем провести известный эксперимент, в ходе которого будем создавать условия, при которых одна и та же вещь, не изменяясь по форме, будет попеременно восприниматься то одним нашим органов чувств, то другим.

Но, тем не менее, то, что образует саму суть вещи, мы никогда не сможем ни воспринять своими органами чувств, ни представить себе в своём воображении. Будь мы способны отделить ту или иную простую субстанцию от её атрибутов и сумей мы произвольно наделить её другими атрибутами, то смогли бы превратить одно тело в другое: именно так, к примеру, и происходило превращение неблагородных металлов в золото.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, давайте возьмём самую обыкновенную трость. Она изготовлена из дерева, но дерево не составляет сущности трости, поскольку дерево не есть сама трость, ведь последняя может быть изготовлена и из чего-то другого, но при этом быть именно тростью.

Собственно, трость мы неспособны воспринять ни одним из своих органов чувств. Всё, что мы можем, это лишь наблюдать её атрибуты: её протяжённость в пространстве, её цвет и плотность. Мы можем почувствовать её вес, а если ударить по ней, то услышать звук. Каждый из этих атрибутов — или даже все целиком — мы можем произвольно изменить, но, несмотря на это, вещь останется именно тростью, поскольку тростью эту вещь делает идея. [50]

Давайте сожжём эту трость, и тогда её субстанция и форма совершенно изменятся. В этом случае трость перестанет существовать как трость на физическом плане бытия, однако идея трости [“трости вообще” — перев.] при этом не исчезнет: как идея трость будет продолжать существовать и далее, хотя, как таковая она уже не будет иметь никакой определённой формы.

А теперь давайте эту лишённую всякой формы идею наделим какими-то новыми атрибутами и эту новорождённую идею оденем в материальную одежду. В этом случае мы окажемся в состоянии превратить нашу идеальную трость во всё, что только сможет прийти нам в голову. На физическом плане бытия это способны делать адепты. На плане же ума всё происходит совершенно иначе.

Так, с помощью всемогущей силы воли каждый из нас может ежедневно изменять собственные желания, устремления и вкусы, превращая тем самым человека — даже на физическом плане бытия — в какое-то совершенно иное существо.

Никто никогда не видел подлинного человека. С помощью своих органов чувств мы можем только воспринимать качества, которыми он обладает. Человек не в состоянии увидеть самого себя: он может говорить лишь о своём теле, о своей душе и своём духе. Именно эта тройственность и образует то, что мы считаем Человеком.

Именно это и придаёт ему характер. Подлинное же “эго”, воплощение Абсолюта, представляет собой такую лишённую формы идею, сформулировать или осмыслить которую мы не в состоянии. В качестве лишённой формы идеи, но при этом выступая индивидуальной единицей, он и вступает в материальный мир, формирует из себя ту или иную новую личность, обретает новый опыт и новые знания, проходит через радости и превратности [физической — перев.] жизни, а затем, миновав долину смерти, вновь возвращается в то царство, в котором по прошествии многих веков его форма перестанет существовать.

Когда же пробьёт его час, эссенция его снова выйдет на подмости, чтобы сыграть очередную роль в драме земной жизни.

Его форма и личность будут иными, а подлинное его “эго” останется одновременно и тем же самым, и не совсем тем же самым, благодаря тому, что в течение [физической] жизни оно обретёт новые атрибуты и изменит свои характерные черты.

Чем же может быть это подлинное “эго”, которое называют единственной реальностью, как не самим Абсолютом, который обретает относительное сознание, вступая в контакт с материей? А насколько человек вообще может быть уверен в том, что он действительно существует? Все доказательства этого хранятся в нашем сознании, в ощущении, что мы осознаём своё существование.

Но сознание, взятое в один момент нашей жизни, отличается от сознания, которое мы можем зафиксировать в другой момент, ведь в окружающей нас среде постоянно происходят изменения, а значит, меняются и поступающие в наше сознание впечатления. Изменения нам жизненно необходимы — однообразие явилось бы для нас пыткой. Возьмём, например, двух или более человек: все они родились и воспитывались в абсолютно одних и тех же условиях, а затем в течение жизни получали только одни и те же впечатления.

В этом случае мы увидели бы, что все они мыслят и чувствуют совершенно одинаково, и сознание у всех у них абсолютно одно и то же. Иными словами, все они представляли бы, по сути дела, одного-единственного человека.

В какой бы форме жизнь ни проявляла своего существования, её существование всегда носит лишь относительный характер. Так, относительный характер носят и понятия “добро” и “зло”, поскольку то, что хорошо для одного человека, может оказаться дурным для другого. Само слово существование — это относительный термин, поскольку предполагает состояние, противоположное несуществованию. Относительным термином является также и слово “истина”, поскольку то, что является истинным в одном смысле, может оказаться ложным в другом. Когда мы пытаемся выявить разницу между истинным и ложным, то не должны доверяться своим органам чувств.

Например: мы ясно видим, что солнце всегда восходит на востоке, что оно проходит свой путь по небу в течение дня, а затем вновь исчезает из поля нашего зрения на западе. Однако любому ребёнку сегодня хорошо известно, что это мнимое движение — всего лишь иллюзия, вызванная вращением Земли. А ночью мы можем над своей головой наблюдать “неподвижные” звёзды.

Они кажутся нам такими крохотными, такими незначительными в сравнении с огромными просторами суши и океанов на нашей Земле. Тем не менее, мы отлично знаем, что звёзды эти представляют собой гигантские пылающие солнца, а наша матушка Земля по сравнению с ними — просто пылинка.

Ничто не представляется нам более спокойным и безмятежным, чем твёрдая почва под нашими ногами. Однако Земля, на которой мы живём, мчится с гигантской скоростью сквозь пространство. Горы нам кажутся воплощением самой вечности, но мы знаем, что огромные континенты способны погружаться под воду океанов, а затем вновь восходить над их поверхностью.

Приливы и отливы создают у нас впечатление, будто вода то прибывает, то убывает, однако недалёк тот день, когда мы обнаружим, что это так вздымается грудь нашей матушки Земли, это и порождает иллюзию. Нам кажется, что со стороны Солнца к нашей родной планете устремляется целый поток света, и, тем не менее, между Солнцем и поверхностью Земли царит тьма, поскольку там нет метеорной пыли, которая могла бы отразить солнечный свет.

С другой стороны, мы со всех сторон окружены светом более высокого порядка, который, однако, представляется нам тьмой, поскольку наши телесные нервы пока ещё слишком неразвиты, чтобы быть в состоянии реагировать на воздействие астрального света.

Человек с несформировавшимся умом может принять отражение в зеркале за реальность, а отзвук эха за голос реального человека.

В стихийных силах природы мы бессознательно можем узнавать плоды наших собственных мыслей, и тогда, вслушиваясь в эхо этих наших собственных мыслей, мы будем принимать его за голос духов мёртвых. Мы вполне способны грезить наяву.

Если же от мира форм мы обратимся к кругу идей, связанных с относительным пространством и относительным временем, то и здесь мы сталкиваемся с той же проблемой, когда пытаемся отличить реальное от нереального. Мы видим, что свойства и того, и другого могут изменяться в зависимости от того, что мы принимаем за стандарт измерения и каким образом их воспринимаем.

Капля воды для какой-нибудь инфузории-туфельки будет представлять собой целый океан, а один-единственный лист на дереве для живущего на нём крохотного насекомого может образовать целый мир. Если бы, пока мы спим, весь наш видимый мир вдруг съёжился до размеров грецкого ореха или, наоборот, расширился бы в тысячи раз по сравнению с его нынешним обликом, то, проснувшись, мы ничего даже не заметили бы — правда, при условии, что все изменения, в том числе и в нас самих, произошли бы с сохранением нынешних пропорций.

У маленького ребёнка ещё не бывает ясного представления о пространстве, и он может даже попытаться ухватить руками луну. А слепой от рождения человек, у которого вдруг может пробудиться зрение, оказывается не в состоянии верно соизмерять расстояния в пространстве. Нашим мыслям неведомы никакие пространства, когда за практически неразличимое мгновение они перелетают из одной части нашей планеты в другую.

В основе наших представлений о пространстве лежат опыт и память, которые мы обретаем, находясь в нынешнем своём состоянии. Но умей мы перемещаться в совершенно иных условиях, то и наш опыт, и, соответственно, наши представления были бы тоже совершенно иными. Профессор Цёлльнер [51] называл физический план бытия трёхмерным пространством.

В этом случае ментальный план являл бы собой четвёртое измерение, а духовные устремления составили бы пятое и так далее и так далее, пока мы не вступили бы на такой план бытия, где относительное пространство прекратило бы существовать вовсе, но где сами принципы, тем не менее, оказались бы вполне материальными в метафизическом смысле этого слова.

В той же мере относительным является и наше представление о времени. То, что мы сознаём, — это не само время, а лишь его измерения, поскольку время — ничто, пока не связано с ассоциациями наших идей. Человеческий ум способен получать за одну секунду лишь небольшое количество впечатлений, и, получай мы за один час лишь одно впечатление, жизнь наша оказалась бы чрезвычайно короткой.

Но обладай мы способностью воспринимать, к примеру, каждую отдельную волну жёлтого луча света, частота колебаний которого составляет 509 миллиардов в секунду, то один-единственный день нашей жизни показался бы нам целой вечностью. Для заключённого, томящегося в тюрьме и не имеющего никакого занятия, время может тянуться бесконечно долго, но для человека, увлечённо занятого каким-то делом, оно пролетает стремительно.

Во время сна мы утрачиваем всякое представление о времени, но если нам выпадет бессонная ночь, которую мы проведём в тяжких страданиях, то она покажется нам нескончаемо долгой. Во сне мы можем за считанные секунды пережить столько событий, на которые в обычных условиях нам потребовались бы годы и годы.

Однако при полном отсутствии сознания время перестаёт существовать для нас вообще. Известен, например, случай, когда человек во время произнесения речи получил серьёзную травму мозга неожиданно упавшим на его голову тяжёлым предметом.

В результате несчастного случая выступающий прервался на полуслове и потерял сознание. Прошло несколько недель, ему была сделана операция, и к нему вернулось сознание. Но, придя в себя, он, как ни в чём не бывало, тут же продолжил свою речь именно с того слова, на котором до этого остановился.

Так и пребывающая в девачане или сварге [52] духовная сущность не получает никаких [внешних] впечатлений и перестаёт осознавать ход времени: она целиком погружена в состояние блаженства и наслаждается лишь плодами собственного воображения, которые представляются ей такой же реальностью, какой воспринимаются нами и любые наши грёзы наяву.

А те впечатления, которые с помощью своих чувств она сумела накопить за время [физической] жизни, теперь как будто вновь встают перед ней, создавая новые образы, сочетания и вариации, и так будет продолжаться до тех пор, пока не иссякнет сила этих впечатлений. Пребывая в исключительно субъективном состоянии, человек перестаёт получать впечатления от объективного мира.

Если же в это состояние человек переходит лишь частично, — как, например, в состоянии некрепкого и беспокойного сна, — то доносящиеся до полубессознательного мозга ощущения способны порождать у нас самые причудливые и карикатурно искажённые идеи. Аналогично этому мы, находясь в полубодряющем состоянии, можем созерцать и столь же карикатурно искажённые картины, доносящиеся до нас из духовного мира.

Всё есть истина, и всё есть обман в зависимости от того, с какой точки зрения на них посмотреть. *“Мир реальный”* и *“мир нереальный”* — понятия лишь относительные, и то, что может показаться реальным, подлинным для одного состояния существования, может представляться нереальным, неподлинным для другого.

Всё, что нами осознаётся, реально. Если я обладаю большой силой воображения, то могу твёрдо поверить в присутствие ангелов подле меня, и тогда для меня эти ангелы будут совершенной реальностью в самом что ни на есть практическом смысле, независимо от того, что об этом могут думать другие.

Если вы наделены сильным воображением, способным сотворить для вас райский сад в безжизненной пустыне, то рай этот обретёт для вас объективное существование.

Если, например, душевнобольной человек вообразит себя царём, то он может радоваться этому ничуть не меньше настоящего царя и иметь при этом гораздо меньше тех хлопот, которыми обременён настоящий царь. Если человек боится дьявола, то этот дьявол и в самом деле начнёт преследовать его.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что между порождениями болезненной фантазии душевнобольного и стойкими продуктами творческого воображения художника или мага существует гигантское различие. У душевнобольного воображение пассивно, он путается в окружающих его символах, поскольку неспособен различать их смысл; его органы чувств обманывают его, и ему не хватает здравомыслия, чтобы разоблачить обман.

А вот гений пользуется активной творческой способностью. Он сам отбирает для себя то, что ему нужно, а воображение наделяет это жизненной силой, и тогда плод его воображения обретает в его глазах подлинную реальность.

С этой точки зрения, творческие продукты активного воображения оказываются определённо ближе к реальности, чем те обманчивые впечатления, которые с помощью органов чувств мы получаем от внешних объектов, тогда как человека, принимающего обман чувств за абсолютные реальности, нельзя назвать полностью вменяемым.

Известные нам материя и форма, пространство и время существуют только в зависимости от того, как наше сознание их воспринимает. Например, форма в абсолюте — понятие, лишённое всякого смысла. Материя и пространство в абсолюте для нас попросту не существуют, поскольку мы не в состоянии их осознавать.

Тот непознаваемый Абсолют, о котором говорят некоторые философы, представляет собой термин, который несёт в себе лишь относительный смысл и на самом деле подразумевает, что Абсолют непознаваем для нас, лишь пока мы находимся в нынешнем своём состоянии. Нет ничего, не поддающегося познанию, для того, кто достиг состояния, в котором он способен познавать.

Просто духовные истины не могут быть постигнуты с помощью одного лишь интеллекта: для их познания требуется известная степень духовного совершенства. Процесс верного осмысления или познания требует наличия трёх факторов: знания, субъекта познания (того, кто познаёт) и объекта познания (того, что познаётся).

Если они существуют на совершенно разных планах, то не смогут соединиться, и желаемый результат не будет достигнут. Абсолютное знание подразумевает совершенство, и, чтобы человек смог обрести его, он должен и сам быть совершенным — *Eritis Deus*. [53] Человек несовершенный не может познать Абсолют: он может наблюдать лишь его проявления.

Абсолют, не зависящий от каких бы то ни было отношений и условий, считается изначальной причиной всех феноменов. Если мы наблюдаем проявления мудрости, справедливости, упорядоченности, гармонии, единства и т.д., то из этого мы можем заключить, что должны существовать и абсолютная мудрость, абсолютная справедливость и абсолютное единство.

Он может быть только один, второго быть не может, хотя проявляться он может в различных аспектах. Всё, что существует, может представлять собой лишь один из модусов его проявления.

Любая попытка понять и описать Абсолют с помощью одного только интеллекта будет попыткой описать вещь, не имеющую никаких атрибутов. Когда мы описываем ту или иную вещь, то это значит, что мы сообщаем обо всех её качествах, но то, что не имеет никаких качеств, невозможно ни вообразить себе, ни описать, поскольку для описания такой вещи мы должны будем облечь её в атрибуты — и тогда вещь перестаёт быть Абсолютом и становится относительной.

Вот почему любые теологические дискуссии о природе Бога (который и есть Абсолют) совершенно бесплодны, поскольку Бог не имеет природы, но вся Природа есть его проявление. Отрицать Бога значит отрицать саму идею существования, поскольку любой вид существования — не что иное, как одно из проявлений Бога.

Когда мы заявляем о своей вере в Бога, то говорим о чём-то таком, что на нынешнем этапе своей эволюции мы не в состоянии охватить своим интеллектом. С точки зрения ума, — это просто абсурд. Познать Бога можно только духовным путём, а споры между деистами [54] и атеистами — это лишь словесные баталии, за которыми не стоит никакого определённого смысла.

Любой человек — уже сам по себе одно из проявлений Бога, и так же, как один человек отличается своим характером от другого, так каждый человек отличается от другого и своим представлением о Боге: у каждого имеется свой бог (собственный идеал). Если же мы говорим о Боге в мужском роде, то подразумеваем под этим неиссякаемую творческую энергию — мужской принцип, — которая проявляет себя через Природу.

Как утверждают каббалисты, всё, что существует, есть Бог, и нет ничего, что не было бы Богом. Говоря о кетер (“короне” или “венце”), они лишь косвенно намекают на наличие Абсолюта, [55] поскольку символ “венца” подразумевает и существование царя, которому этот “венец” должен принадлежать.

Согласно оккультной науке, этот универсальный принцип, Единая Жизнь, имеет различные модусы проявления. Его можно сравнить с подковообразным магнитом, два полюса которого представляют собой два различных модуса проявления: мужскую и женскую активность. Таким образом, космос можно рассматривать как проявление единого принципа, самым низким уровнем которого является материя, а самым высоким — дух.

Однако провести резкую границу между ними невозможно, и пространство между двумя этими полюсами заполнено бесчисленными градациями скрытой и активной жизни в видимом и невидимых мирах. Вот почему и говорят: всё, что кажется существующим независимо от Единой Жизни, представляет собой иллюзию, а единственной абсолютной реальностью является Единая Жизнь.

Для того, кто не верит в существование Бога, Бог и не существует, и существование Бога ему не может быть продемонстрировано. Для того же, кто ощущает присутствие Бога, Бог реально существует, и было бы совершенно бесполезно разубеждать в этом человека, знающего Бога. Материалист не в состоянии постичь того, что для него не существует, тогда как искренне верующий человек, душа которого наполнена возвышенными устремлениями и высокими чувствами, ощущает Бога своим духовным чувством, к какой бы церкви он ни принадлежал и каким бы именем ни называл Бесконечное.

В этом случае никакая логика, опирающаяся на опыт низшего интеллектуального плана бытия, не в силах разрушить того, что в его глазах является бесспорным фактом и вечной реальностью, ибо он эту реальность явственно осознаёт, отождествляет себя с нею, и отрицание Бога было бы для него равносильно отрицанию самого себя.

Те карикатуры на богов, которые рисуются различными церквями и выдаются за единственно истинного Бога, — лишь плоды несовершенного воображения. [56] Как у каждого человека имеется свой собственный бог, собственный обобщённый символ всех его устремлений, так и у каждой церкви есть свой особый бог, который является результатом или продуктом развития идеалов и потребностей того коллектива людей, который называется церковью.

Все они в глазах церквей являются истинными богами, поскольку отвечают их нуждам, но по мере изменения их потребностей, меняются и их боги. До тех пор, пока люди будут оставаться несовершенными, столь же несовершенными будут и их боги. Если же человек достигает совершенства, то совершенным становится и его бог. А когда совершенства неизбежно достигнет всё человечество, то у всех людей окажется один и тот же совершенный Бог, один и тот же наивысший духовный идеал, и одна и та же универсальная реальность, которая получит признание как со стороны науки, так и со стороны религии, поскольку в мире может быть только одна абсолютная истина, постижение которой и есть Мудрость.

IX. Человек [57]

“И сказал Бог: сотворим человека...”

Библия [58]

Есть один очень важный — пожалуй, самый важный — вопрос, который люди не переставали и не перестают до сих пор задавать с тревогой, а нередко и с ужасом. Это всё тот же самый вопрос, который тысячи лет тому назад задавал египетский Сфинкс, убивавший всякого, кто пытался разгадать эту загадку, но терпел неудачу: “Что есть человек?”

Прошли века с тех пор, как вопрос этот был задан впервые. И всё это время народы уничтожали друг друга в безумных религиозных войнах, тщетно пытаясь навязать друг другу самое верное, как они полагали, разрешение этой великой загадки. Но из могил прошлого лишь вновь и вновь раздаётся всё тот же неизменный вопрос: “Что есть человек?”

А ответ-то не так сложен, как кажется. Если отбросить все религиозные и научные предрассудки и прислушаться к голосу интуиции или её детища, здравого смысла, то мы услышим, как она говорит нам: человек — это одинокий луч разлитого по Вселенной божественного Света, общего первоисточника всего, что существует. Он — подлинное дитя великого духовного Солнца.

Как любой луч нашего Солнца обретает визуальную активность лишь при его взаимодействии с частицами пыли, так и божественный луч способен поглощаться и отражаться материей. На какое-то время он соединяется с материей и возносит к Солнцу те элементы, которые достаточно утончены, чтобы преодолеть силу притяжения Земли.

Солнечный луч играет с волнами океана. А теплота, создаваемая при соприкосновении воды с льющимся сверху светом, извлекает из морских глубин утончённый материал, который в виде испарений поднимается к небу.

Словно “*призраки морей*”, эти пары затем блуждают в виде облаков, принимая самые разнообразные формы. Играя с ветрами, они свободно плывут по воздуху, пока не наступает время, когда их накопленные энергии вновь пробуждаются к активности и заставляют свою субстанцию вновь спуститься на землю.

Точно так же поступает и божественный луч: пребывая на земле, он соединяется с материей, впитывая в себя и усваивая всё, что только ему заблагорассудится. Как бабочка перелетает от цветка к цветку, пробуя на вкус нектар каждого, так и человеческая монада переходит из одной жизни в другую и перелетает с одной планеты на другую, набираясь опыта, знаний и сил. Когда же день её жизни подходит к концу, наступает ночь, а вместе с ней приходит и состояние сна, и тогда ей являются видения некой яркой реальности.

Вокруг неё плавают массы астрального “мусора”, гонимые туда и сюда наполняющими их пристрастиями, пока, наконец, они не возвращаются каждая к своему родительскому элементу и не растворяются целиком в астральном плане бытия.

Дух же поднимается к своему первоисточнику, унося с собой за пределы материи плоды приобретённого опыта. Любовь и разум человека — вот две силы, которые не перестают действовать и за пределами могилы или дыма погребального костра. Прежде чем сила их энергий полностью иссякнет, она будет сохраняться ещё в течение долгих и долгих веков.

Чистый же луч со всеми своими побуждениями, обрётёнными за время последнего посещения земли, вновь устремится к соединению с материей и снова выстроит для себя очередную темницу в виде живой “глины”, и тогда он, всё тот же прежний актёр, вновь явится на подмостки, чтобы сыграть новую для него роль в бесконечно меняющейся драме жизни.

Материал для строительства нового дома ему поставляют те впечатления, которые он почерпнул в своих прежних жизнях. Бывший ленивый богач может теперь оказаться последним бедняком.

А трудолюбивый работник может развить в себе такие качества, которые заложат в нём основания для возвышения как в нынешней, так и в следующей жизни. Страдания в одной жизни могут породить в человеке стойкость и терпение, которые окажутся весьма полезными качествами в его новой жизни.

Трудности могут развить в человеке выносливость; самоотречение укрепит волю; вкусы, выработанные в одной жизни, могут стать нашими поводами в другой, а накопленные прежде энергии заработают, когда того в соответствии с вечным законом причин и следствий потребуют обстоятельства, складывающиеся в период существования на материальном плане бытия: будь то в нынешней, либо в следующей жизни.

Несмышлёный ребёнок может обжечь себе пальцы, дотронувшись до огня. Повзрослев, он может уже и не помнить всех обстоятельств этого случая, однако факт того, что огонь при его касании способен обжигать, а значит, его не следует трогать пальцами, останется запечатлённым в его уме. Точно так же и ощущения, накопленные в одной жизни, могут и не вспоминаться во всех подробностях в следующей, но произведённые ими впечатления могут закрепиться, и тогда научные знания, обрётённые в одной жизни, могут превращаться в интуицию в другой. Человек должен снова и снова возвращаться к колесу эволюции, чтобы, проходя по нему, наконец обрести совершенное знание. А когда материя окончательно перестанет привлекать его к себе, то и сам он перестанет быть человеком и окажется тем, что ему и предписано судьбой: он станет богом.

Подобно большинству организованных существ, человек — это атом в безмерности Вселенной. Его нельзя разделить на части, и при этом он остаётся именно человеком. Отличаясь от других организованных существ, осознание которыми своего существования ограничивается лишь одним земным планом бытия, человек становится Человеком и отличается от животного как раз благодаря тому, что он является неотъемлемой и наделённой сознанием частицей Вселенной, частицей той божественной эссенции, которая заполняет собой всё пространство и присутствует повсюду в активном или скрытом состоянии.

Таким образом, его духовное сознание не привязано ни к какому конкретному месту в пространстве.

Кто же сотворил Человека?

Да человек творит себя сам! Он и есть творец самого себя. Та “глина” — материальное тело, — которая прилепляется к духовному лучу, берётся от земли, душа — из астрального плана бытия, а дух принадлежит небу. Животный человек, относящийся к низшим разрядам природы, является продуктом деятельности слепого закона необходимости. Как таковой, он рождается вечно непорочной матерью-Природой, которая дарит рождённого во времени человека его отцу, бесконечному духу, чтобы с его помощью человек преобразился в бога.

Физические качества и умственные способности ребёнка являются результатом наследственности и предшествующих или текущих условий жизни. Подобно дереву, которое может направлять свои корни в соседнюю почву и находить для себя питание в своём окружении, но не может в поисках пищи перемещаться в другие места, лишённый мудрости животный человек обладает лишь ограниченным набором необходимых для него средств развития.

Он растёт, поскольку не может сопротивляться закону необходимости и получаемым им от природы импульсам. Когда же его начинает озарять разум, для него начинается и творческий процесс. Его внутренний разум говорит воле: “Сотворим человека!”. Он побуждает волю к действию, пробуждает её, и воля, утрюмо покидая своё любимое занятие служения страстям, начинает изменять животного человека, следуя тому божественному образцу, который демонстрирует ей разум, и начинает преображать его в бога.

Слова “Сотворим человека” означают: давай сотворим божественного человека из человека животного, давай окружим заключённый внутри нас божественный луч чистейшей из эссенций, собранных с низших планов бытия, давай преобразуем эмоции в добродетели, в которые смог бы облачиться духовный луч, когда он вновь взойдёт на свой трон.

Сотворим человека! Только от нас самих и будет зависеть то, какого рода человека мы сотворим. Сотворить среднего или даже выдающегося человека в обычном смысле этого слова не составляет особого труда. Следуй лишь правилам здорового питания и здорового образа жизни, не злоупотребляй лекарствами, ни о чём не волнуйся, ни за что не переживай и изучай лишь то, что тебе необходимо для удовлетворения своих физических потребностей и амбиций — всего того, что тебе поможет достичь успеха в жизни.

Думай прежде всего о самом себе и никогда не отдавай ничего, если не уверен, что получишь взамен ещё больше. Следуя этим правилам, вполне можно стать респектабельным животным, пробить себе дорогу в жизни, стать известным, независимым и богатым — и при этом остаться таким человеком, который как живёт, так и умрёт на плане эгоизма. Многие будут ему завидовать, но никто не будет его любить. Многие будут его уважать, но сам себя он уважать не будет.

Однако таково уж воздействие со стороны высшей природы человека, что даже мнимое бескорыстие способно зачастую принести человеку на этом плане бытия немалый материальный прирост. Немилосердного скрягу, например, будут презирать все, а вот человек, способный время от времени оказывать какие-то мелкие услуги, вполне может обзавестись множеством друзей и рассчитывать на ответные услуги с их стороны.

Но существует ещё одна категория людей, самостоятельно добившихся успеха в жизни: это те, кто действует на интеллектуальном и духовном планах бытия. Мир взирает на них как на своих благодетелей, философов, учителей, изобретателей и художников. Их называют “теньями”, ибо они не выступают имитаторами, а проявляют собственную оригинальность. Трудясь во благо миру, они тем самым приносят благо самим себе.

С другой стороны, интеллектуальные изыскания, которые не приносят пользы никому, бесплодны: они напоминают упражнения с гантелями, благодаря которым мышцы укрепляются, но при этом не осуществляется никакого полезного труда. Интеллектуальным трудом можно заниматься и для того лишь, чтобы потешить собственное “я”, но если не будет подлинной любви к предмету такого изыскания, то не будет и никакого движения вперёд — наоборот, из мудреца может в конечном счёте получиться обыкновенный книжный червь. Подлинный “гений” — это волшебник, творящий мир и для себя, и для других, и чем совершеннее он становится, тем больше возрастают и его силы.

Строительным материалом при создании человека служат эмоции. Строителем выступает воля, а прорабом — разум. Генеральным же архитектором является мудрость. Процесс такого строительства протекает бесшумно, и на этой стройке не слышен звук молотка.

Нам никогда не построить прочного здания, если у нас нет надёжного материала. Не имея ни топлива, ни воды, мы, сколько бы ни пытались, едва ли сможем запустить паровой двигатель.

С тем же успехом мы можем попробовать сотворить и “гения” из существа, неспособного переживать эмоции. Чем прочнее материал, тем долговечнее будет и здание. Чем сильнее эмоции, тем больше энергии окажется в распоряжении у “гения”, при условии, что у него будет достаточно воли, чтобы контролировать их и направлять в нужном направлении.

Неспособный испытывать эмоции человек — это человек, не обладающий ни добродетелями, ни пороками: в нём нет энергии, он точно тень, призрак, не холоден и не тёпл, [59] а значит, неизбежно бесполезен. Если человек страстен, но умеет владеть своими страстями и направлять их в нужное русло, то он ближе к Богу, чем тот, кому нечем управлять и нечего покорять: “Царство Небесное силою берётся”. [60]

Для того чтобы здание вышло совершенным, то есть чтобы получился совершенный человек, требуется гармония пропорций.

Мудрость управляет ходом строительства, а любовь поставляет цемент. Любая эмоция может быть добродетелью, а может оказаться и пороком, в зависимости от того, в каком направлении мы её применяем. Если мы применим добродетель в неверном направлении, то она обратится в порок, а если мы применим в верном направлении порок, то последний превратится в добродетель.

Человек, действующий лишь в соответствии с велениями благоразумия, — трус. Кто проявляет щедрость без всякого разбора — обыкновенный мот. Смелость, не знающая осторожности, — безрассудство. Преклонение перед кем-то, лишённое самоуважения, порождает суеверие. Неразумная благотворительность способна довести человека до нищеты. И даже справедливость, если она чересчур сурова, непреклонна и не смягчена милосердием, способна произвести на свет лишь скупого, жестокого и презренного тирана.

Неразумная, влекомая лишь одними страстями и не подчиняющаяся мудрости душа подобна пьяному, неспособному удержать равновесие. Его шатает из стороны в сторону, бросает из одной крайности в другую, и он не в состоянии твёрдо держаться на ногах. И только равновесие сил может породить гармонию, красоту и совершенство. Неразумная душа, разрываемая эмоциями, — это непригодное жилище для божественного “луча”, любящего мир и покой.

Древние алхимики знали толк в искусстве сотворения Человека. Их великий Arcanum [61] теперь уже получил широкую известность, а их magnum opus [62] больше не является секретом.

Они говорили о грубом камне (животном человеке), который необходимо прокалить огнём (страстями). При этом он не должен сгореть (поддаться страстям), но должен быть растёрт в порошок (утончён) любовью и растворён в его собственном пламени (пропитан мудростью). После этого над ним необходимо проделать ещё целый ряд операций, и тогда он из чёрного превратится в белый и достигнет совершенства.

Вот тогда-то заложенные в человеке божественные начала обретут истинную божественность, неблагородный металл превратится в золото, и зверь преобразится в бога.

Общий план, который они описывали таким аллегорическим языком, является единым для всех, хотя его отдельные детали неизбежно различаются в зависимости от каждого конкретного случая. Не существует универсальной диеты, пригодной для всех сразу, поскольку у различных организмов могут быть различные потребности. Точно так же у разных людей могут быть разные умственные и нравственные потребности.

Одному человеку для ускорения его внутреннего развития необходимо состояние нищеты, другому — богатство. Кому-то в качестве начального психического стимула необходимы нежные и возвышающие воздействия супружеской жизни, а кто-то в своих устремлениях поднимается ещё выше.

Каждый человек, применяющий волю в целях собственного развития, в той мере, в какой он это делает, является практикующим оккультистом, и наилучшими наставниками в этом ему служат его собственные интуиции, истекающие из духовной души Вселенной и попадающие в его сознание, если созданию гармонии вибраций в таких случаях не мешают эгоистичные эмоции и мотивы.

Каждый человек, хочет он того или нет, находится в состоянии роста: либо в одну сторону, либо в другую. Но этот рост может либо ускоряться, либо тормозиться его собственным поведением. Люди, желающие добиться быстрого роста и стремящиеся обогнать других, должны действовать, а те, кто желает установить в себе равновесие, приносящее чувство покоя, должны уметь управлять собой.

В этих целях было бы, пожалуй, полезно придерживаться следующих правил:

1. Необходимо верить в то, что во всей Вселенной нет ничего выше заложенного в человеке божественного начала. Человек же — это не то, чем он хочет казаться в глазах других, а ровно то, что творит из самого себя, и ничто больше. Подлинную религию составляет мудрость, тогда как любые идолы — всего лишь детские игрушки.

2. Необходимо прочно усвоить, что человек — неотъемлемая часть всеобщего человечества и что всё, что затрагивает одного, воздействует на всех. Высшее проявление истинной религии — это справедливость ко всем.

3. Необходимо ясно осознать, что человек — всего лишь воплощение идей, а его физическое тело — это инструмент, позволяющий ему взаимодействовать с материей и управлять ею. [63] И инструментом этим никогда нельзя пользоваться в недостойных целях. Ему не следует поклоняться, но им негоже и пренебрегать.

4. Пусть ничто из того, что воздействует на ваше физическое тело, его чувство комфорта, как и обстоятельства, в которых вы оказываетесь, не нарушает равновесия ваших душевных эмоций и спокойствия ума. Не стремитесь ни к чему на материальном плане бытия, живите на более высоких планах, не теряя, однако, материальный план из-под своего контроля. Управляйте собственными эмоциями и не позволяйте им управлять вами.

5. Никогда не ждите одолжений со стороны людей, однако будьте всегда готовы оказать помощь другим в меру своих сил и сообразуясь с принципами справедливости.

Бойтесь в своей жизни только одного — нравственного закона, и вам никогда не придётся страдать. Никогда не ищите наград, и вас не постигнет чувство разочарования. Не домогайтесь любви, сострадания или благодарности со стороны людей, но будьте при этом всегда готовы одарить ими других. Всё это приходит лишь тогда, когда человек о них и не думает. Тот же, кто рассчитывает на них, делает из себя посмешище.

6. Научитесь отличать правду от лжи и каждый свой поступок соотносите с вашим наивысшим идеалом добродетели.

Все перечисленные и подобные им советы не представляют из себя ничего нового. В разном виде они были сформулированы философами всех времён и включены во множество книг. Их проповедовали древние риши и муни, [64] Будда и Христос, Зороастр, Конфуций, Магомет, Платон и Шекспир, как и любые другие великие реформаторы.

Они звучали в устах проповедников и запечатлены в стихах и в прозе в философских трудах, как и в литературно-художественных сочинениях и в произведениях искусства. Наслышаны о них все, поняты лишь немногими, а применяются в жизни — считанными единицами. Выучить их легко, осознать труднее, а применяющий их в практической жизни поистине подобен божеству.

Наивысшие духовные истины невозможно постичь умом: рассудочные способности полуживотного человека не в состоянии охватить их собою. Обычный человек может устремлять свой взгляд лишь к тем идеалам, которые открываются его духовному взору в редкие минуты вдохновения, и только постепенно, по мере своего внутреннего роста, он способен достигать того высшего плана бытия, на котором, став менее животным и более интуитивным, он обретёт способность осознать тот факт, что вовсе не какому-то богу нужен этот духовно-нравственный рост, чтобы его умиловить.

Нет, это сам человек в ходе своего собственного роста превращается в бога, а ускорить этот процесс он может, лишь призвав к действию все свои наивысшие энергии.

В человеке эти энергии присутствуют либо в скрытом, либо в активном состоянии. Они-то и представляют собой качества той его духовной души, которая у большинства людей пока ещё пребывает в состоянии младенчества. У будущих же поколений она получит всеобщее развитие. К тому времени человечество в целом достигнет следующего этапа в своём развитии, и, оглядываясь назад, оно будет смотреть на нашу эпоху как на век невежества и страданий. Само же оно будет радостно вкушать плоды, принесённые ему наивысшей эволюцией Человека.

А. В.

Х.

Двойственное воздействие закона кармы на различные планы бытия [65]

Под словом карма мы понимаем закон сохранения энергии, которым регулируются последствия действий, несущих в себе тот или иной заряд с точки зрения добра и зла. На том плане бытия, где в действие вступают индивидуальные воля и разум, этот закон сохранения выражается в виде закона компенсации или воздаяния: всё нравственно оправданное получает свою награду, а всё безнравственное — кару. Причём происходит это не в силу произвольного решения, выносимого неким “естественным” или “сверхъестественным” судьёй, а в виде вполне определённых и неизбежных следствий, производимых движением мысли или совершением поступка.

Но если мы говорим о нравственных или безнравственных действиях, то из этого с неизбежностью следует, что заслуживающее кары или награды существо должно быть в той или иной мере наделено разумом и осознанием собственной ответственности, поскольку только такое существо и обладает способностью судить о своих поступках и по собственной воле производить выбор между добром и злом.

Камень, растение или какая-нибудь устрица не могут по собственной доброй воле стремиться к творению блага, избегать опасностей или различать добро и зло. И хотя этот причинно-следственный закон сохраняет своё действие как на самом низшем, физическом, так и на самых высших планах бытия, о действии закона кармы можно всё-таки говорить лишь в тех случаях, когда в действиях субъекта присутствует моральная ответственность, а когда последняя отсутствует, то и закон кармы также прекращает своё действие.

Любая жизнь образуется, во-первых, из результатов предыдущей кармы — эти результаты могут производиться как в текущей, так и в предыдущей жизни, — а во-вторых, из волевых актов, как сознательных, так и бессознательных. Представители низших царств природы действуют исключительно по законам управляющей ими природы. Там мы не встретим проявления индивидуальной воли, а значит, в этом случае мы не можем и говорить ни об индивидуальной ответственности, ни о нравственной или безнравственной составляющей их жизнедеятельности, ни о каре, ни о награде.

На наивысших же духовных планах бытия индивидуальная воля целиком управляется универсальной волей, приводимой в действие верховной мудростью. Там уже не может быть никаких отклонений от закона: зло в виде намерений или действий там становится невозможным, и одно только благо превращается во что-то само собой разумеющееся, что не требует никаких осознанных решений и даже самого кратковременного обдумывания.

Необходимость выбора там совершенно отсутствует, а значит, и нет никаких нравственно мотивированных действий — следовательно, и там закон кармы прекращает действовать. Иными словами, на низших планах жизни желание ещё не достигло уровня осознания и выражается лишь в форме бессознательного притяжения или отталкивания, тогда как на наивысших духовных планах перестают существовать какие бы то ни было эгоистичные желания, а значит, исчезает и сама необходимость осуществлять выбор между добром и злом, поскольку там всё есть одно лишь благо.

Всё вышесказанное приводит нас к следующему вопросу: а что же такое добро и зло? И тогда мы обнаружим, что и добро, и зло в том смысле, в каком они обычно понимаются, представляют собой лишь относительные понятия. Любое действие может на одном плане бытия явиться благом, а на другом одновременно обернуться злом. Что хорошо для одного человека, может оказаться дурным для другого, и абсолютное благо может существовать только на духовном плане бытия, тогда как абсолютного зла не может существовать нигде.

Всё, что является относительным благом в одном отношении, является относительным злом в другом. Мы не можем представить себе света в отрыве от тьмы, а само слово “тьма” теряет всякий смысл, если только мы не говорим о ней как о чём-то противоположном свету. Чтобы решить, является ли тот или иной поступок благом или злом, мы должны будем сперва проанализировать произведённые им последствия на всех планах бытия: на физическом, на астральном, на интеллектуальном, на моральном и на духовном планах.

Сложите положительные результаты и сравните их с отрицательными: полученный итог и покажет вам, можно ли назвать действие благом, злом или ни тем, ни другим.

Любое действие, можно сказать, состоит из трёх элементов: мотива, совершения и акта. Мотив (желание или побуждение, импульс) как таковой может существовать и без приведения его в непосредственное исполнение, и только когда он приводится в действие, он становится актом. Акт же может считаться случившимся лишь тогда, когда он уже совершён. Однако акт может совершаться и без всякого мотива. Совершение как таковое представляет собой чисто механический процесс, при котором в действие вступает воля, и сам по себе этот процесс не может иметь никакой нравственной окраски.

Однако те методы, которые применяются для достижения результата, порождают ряд промежуточных актов и производят ряд промежуточных результатов. Таким образом, мы установили два сущностных элемента, которые в любом совершённом действии подпадают под действие кармы: мотив и акт, каждый из которых производит отдельные последствия на отдельных планах бытия, но при этом оба они взаимодействуют друг с другом и воздействуют друг на друга.

Закон сохранения энергии и принцип неразрушимости материи как в физическом, так и в метафизическом их понимании, одинаково действует как на низших, так и на наивысших планах бытия.

Любое движение хоть в материальном, хоть в духовном мирах, является результатом какого-то предыдущего движения, произведённого на его родном плане, и порождает на том же самом плане последующее движение.

Движущая сила на физическом плане бытия способна воздействовать на этот физический план лишь чисто механически. Однако последствия того или иного механического акта могут порождать эмоциональные переживания, интеллектуальные процессы, моральные побуждения и духовные стремления, которые, в свою очередь, могут оказывать влияние опять-таки на физический план.

Любой же психический импульс принадлежит астральному плану бытия и как таковой действует на астральном же плане. Однако вызванный этим психическим импульсом физический акт способен произвести такие физические результаты, которые могут, в свою очередь, повлиять и на более высокие планы. Если психический импульс управляется и направляется разумом, то своё главное действие он окажет на сферу ума, а если он вызван нравственными соображениями или духовными устремлениями, то своё воздействие он в первую очередь и окажет на эти высшие сферы.

Собственно, мотив без акта не может оказать прямого воздействия на физический план, однако вызванные им возмущения на астральном плане могут повлечь за собой серьёзные изменения и на физическом плане. Например, внезапный испуг может стать причиной остановки сердца, оттока крови от мозга и, таким образом, привести к смерти. Чувства ненависти, любви, мести, ревности, жадности, зависти, злобы и т.д. могут оставлять на лице человека свои следы (и могут в той или иной степени даже остаться на нём навсегда).

Физическое тело формируется сознанием, и характер человека зачастую бывает более или менее отчётливо выражен в очертаниях его лица, в форме черепа, а также в пропорциях и особенностях развития его внешнего тела и даже внутренних органов. Если мотив исходит с какого-то высокого плана, то и его воздействие на физический план посредством астрального окажется сильнее и будет иметь более долговременный эффект.

Так, например, человек в горячке, под влиянием минутного чувства, может совершить убийство, но как только необходимая для совершения действия физическая сила оказывается истрачена, он может тут же раскаяться в содеянном. А вот если человек — это убийство тщательно продумал и спланировал, то он и сожалеть о содеянном не будет, если только не вскроются какие-то новые обстоятельства, которые могут изменить ход его мыслей.

Таким образом, мотив — даже если он и не приведён в действие — представляет собой некую накопленную энергию, которая не может исчезнуть просто так, но может быть преобразована в какую-то иную форму и пущена в ход каким-то иным образом, отличным от первоначального намерения.

Акт, взятый в отрыве от мотива, как таковой не несёт в себе никакого заряда — ни отрицательного, ни положительного. Он возможен лишь преимущественно на низших планах бытия, где подпадает под действие закона причин и следствий.

Тем не менее, в результате такого непроизвольного акта могут возникнуть какие-то новые причины, способные оказать воздействие на высшие планы бытия и уже через них опять-таки повлиять на низшие. Если я сломаю себе ногу в результате какого-то несчастного случая, которого я не мог предотвратить, то этим я не заслужу ни осуждения, ни похвалы. Однако на физическом плане прямые последствия этого будут точно такими же, как если бы я сломал себе ногу намеренно.

Это был просто акт, я не совершал никакого действия, поскольку у меня не было никакого мотива, но, тем не менее, мне предстоит пережить те же физические страдания и те же неудобства, как если бы я совершил всё преднамеренно.

И тогда вызванные этим несчастным случаем физические страдания и невозможность самостоятельного передвижения могут породить какие-то новые причины, которые окажут воздействие на высшие планы и через них смогут опять-таки повлиять на низшие.

Известен случай, когда находившаяся в состоянии сомнамбулизма женщина отравила предназначенную для её близких пищу, и наутро вся её семья погибла. В этом акте отсутствовал какой бы то ни было сознательный мотив, и первичный эффект случившегося состоял для неё в том, что она просто-напросто лишилась семьи. Однако в результате этого акта возникли эффекты на высших планах — такие, как горе, скорбь и т.д., — но точно такие же эффекты возникли бы там и в том случае, если бы акт этот был совершён кем-то другим.

Всякий мотив может быть одновременно и благом, и злом или в чём-то благом, а в чём-то злом. Когда мы спасаем человека от гибели по гуманным мотивам, то такие мотивы представляют собой благо. Когда мы убиваем животное просто так, мотив будет представлять собой зло. А когда мы убиваем одно животное, чтобы продлить жизнь другому, то мотив будет в чём-то благом, а в чём-то злом.

То же самое можно сказать и об актах, случающихся без всякого мотива. Если случайный выстрел из вашего ружья вспугнёт грабителя, то акт этот будет благом. Если же пуля заденет при этом вашего товарища, то акт этот станет злом, а если она поразит грабителя, то акт станет злом для грабителя и в чём-то благом для вас самого.

Для того чтобы действие было благом, необходимо, чтобы благом был и его мотив, но даже наилучший из всех мотивов может иметь мало пользы, если будет дурно осуществлён. Когда мы совершаем какой-то глупый поступок из самых благих побуждений, то почти точно так же сожалеет о нём, как если бы мы совершили его вполне обдуманно. А если нам доведётся совершить какой-нибудь замечательный гуманитарный акт по чистой случайности, то от этого мы едва ли испытаем глубокое удовлетворение, поскольку акт этот не был связан ни с каким нашим похвальным намерением.

Для того чтобы понять, является ли действие благом или злом, необходимо не только посмотреть, насколько похвальны были у совершившего его намерения, но необходимо так же оценить и благотворность его результатов. Если я подам нищему немного денег, чтобы он смог утолить голод, то мой мотив будет, во всей очевидности, являться благом.

Но для того чтобы окончательно решить, насколько благим или дурным окажется мой поступок, нужно посмотреть ещё и на то, как распорядится этими деньгами нищий. При любых обстоятельствах сам акт отдания чего бы то ни было является лично для меня злом на физическом плане, поскольку я тем самым лишаюсь какой-то части своих денег, и поэтому если нищий потратит эти деньги лишь для того, чтобы напиться допьяна, то это сделает мой поступок злом для меня и на интеллектуальном плане бытия, поскольку у меня появится повод упрекнуть себя в недостаточной рассудительности. Всё это вместе и делает мой поступок злом.

Но если нищий всё-таки потратит мои деньги на то, для чего те и были ему даны, то моё действие — даже независимо от понесённого мною убытка на физическом плане — окажется, вне всякого сомнения, благом.

С другой стороны, если я подам нищему денег, хотя и имею все основания полагать, что он ими злоупотребит, то мотив мой будет, несомненно, злом, и если он поступит именно так, как я и рассчитывал, то злом мой акт окажется для меня не только на физическом, но и на моральном плане бытия. Однако, потрать он, вопреки моим ожиданиям, эти деньги благоразумно, то окажется, что, руководствуясь дурными мотивами, я совершил благой акт — такой акт может заслуживать для меня похвалы на физическом плане, но я едва ли смогу рассчитывать на прямую добрую карму на моральном плане бытия.

Таким образом, всё совершённые действия мы можем разделить на следующие четыре категории:

1. Действия, в которых мотив может быть по совокупности благом, а сам акт по совокупности злом. В таких случаях сотворённая этим мотивом карма окажет прямое благотворное воздействие на высшие планы, тогда как последствия акта на низших планах будут представлять собой зло. Из истории мы знаем, что многие закоренелые преступники совершали свои самые ужасные преступления из наилучших побуждений.

Торквемада сжигал еретиков единственно во спасение их душ, а Робеспьер устраивал свои казни ради того, чтобы освободить людей из рабства и положить конец разногласиям между ними.

С моральной точки зрения, вдохновлявшие этих людей мотивы представляли собой несомненное благо, невзирая на все их возможные интеллектуальные заблуждения, и последствия таких их мотивов наверняка самым благотворным образом сказывались на их собственных моральных планах, принося им временное удовлетворение.

Однако последствия их злодейских актов неизбежно должны были ощущаться ими и на физическом плане, что и делало их жалкими людьми.

Человек в своей жизни может переживать полнейшее физическое счастье, но вместе с тем и страдать психологически. А может быть счастлив интеллектуально, но при этом испытывать физические муки. Однако после смерти, когда происходит отделение наивысших принципов человека от низших, такое двойственное состояние счастья/несчастья уже становится более невозможным.

Он не может одновременно и радоваться, и страдать. Сначала должен иссякнуть набор одних энергий, а уж затем в действие может вступить набор других. Однако, как мы уже видели, наивысшие энергии обладают большей потенциальной силой и долговременностью, чем низшие. Поэтому именно они первыми и начнут там действовать и разворачиваться, тогда как сотворённая на низших планах дурная карма будет продолжать действовать на этих низших планах каждый раз, как индивидуальная монада будет в очередной раз спускаться на них в процессе перевоплощения.

2. Действия, в которых мотив может быть по совокупности злом, а сам акт по совокупности благом. Такие действия могут происходить в тех случаях, когда человек совершает, скажем, какой-то эгоистичный или преступный поступок, который, вопреки первоначальным планам, может порождать благотворные последствия.

Например, какой-нибудь лицемер может решить демонстративно передать своё пожертвование для какой-нибудь благотворительной организации с тайным намерением заполучить политическое влияние, которое сам рассчитывает использовать в дурных целях.

В таких случаях произведённые на нижних планах последствия такого поступка так и будут ощущаться на одних только низших планах бытия. Человек этот может добиться богатства и снискать почести, но поскольку у него не имелось благого мотива творить карму на высших планах, то там и не следует ожидать появления каких-либо прямых благих последствий, а вот те недобрые намерения, которыми был вдохновлён его поступок (акт), произведут страдание на моральном плане.

Таким образом, если его созданная на высших планах бытия дурная карма суммарно перевесит его добрую карму на этих же планах, то [после смерти — перев.] сначала должна будет полностью истощиться энергии зла прежде, чем смогут вступить в действие и начать оказывать своё воздействие суммарные последствия его энергий блага.

Однако следует помнить, что в мире не так-то много живёт людей, стремящихся творить зло ради самого же зла. У человека может быть эгоистичный мотив, который и вдохновит его на совершение столь же эгоистичного поступка ввиду каких-либо реальных или воображаемых непреодолимых причин. В таких случаях создаваемые энергии зла окажутся слишком слабы, чтобы взять верх над последствиями благих мотивов и благих деяний человека, и его карма зла так и останется пребывать на низших планах в латентном состоянии вплоть до того момента, пока индивидуальная монада не спустится на эти планы в своём следующем перевоплощении.

3. Действия, в которых и мотив, и акт по совокупности представляют собой благо. К этой категории мы можем отнести все действия, которые облегчают индивидуальные или коллективные страдания и способствуют прогрессу человечества. Совершая такие действия, человек не преследует никаких эгоистичных целей.

Таковы действия всех воистину великих реформаторов, философов, государственных деятелей, поэтов, изобретателей, художников и учителей, а также всех тех людей, которые прилежно исполняют свой долг, не думая ни о личной награде, ни о каре, ни в этой, ни в следующей жизни. Действия такого рода неизбежно творят благую карму как на высших, так и на низших планах бытия.

Но поскольку никакой поступок не может быть абсолютным благом сразу для всех планов, то, значит, к нему неизбежно должно примешиваться и относительное зло — а оно может быть большим или меньшим в зависимости от обстоятельств и случайных факторов.

И история даёт нам немало таких примеров. Она знает случаи, когда величайшие изобретатели прожили всю свою жизнь и умерли в нищете и страданиях, потому что все свои энергии они сосредотачивали на одном только интеллектуальном плане, игнорируя требования физического. А нередко бывает и так, что необходимые для совершения благого поступка обстоятельства складываются, помимо воли человека, так неблагоприятно, что потом бывает не так-то легко понять, следует ли этого человека считать преступником или героем. Возьмите, к примеру, историю Наполеона I.

Едва ли можно сомневаться, что начинал он свои захватнические походы, руководствуясь благим мотивом распространения цивилизации. Никто не будет отрицать и того, что в результате его походов цивилизация действительно раздвинула свои границы и мир стал более просвещённым.

Однако сколько отдельно взятых человек пали жертвой его благородных устремлений и сколько семейных очагов было разорено в ходе его блистательных побед! Солдат может пасть на поле битвы, но тот государственный деятель, который вызвал смерть этого солдата, знает лишь приблизительное число подобных жертв.

И жертвы эти не могут обвинить его в совершении убийства, они — лишь жертвы случайных обстоятельств или ненамеренных действий. Генерал несёт ответственность за сохранность всей армии, и ему нельзя поставить в вину гибель одиночек.

Чтобы определить, достойны ли его действия похвалы или заслуживают осуждения, необходимо рассмотреть, насколько справедливы были причины его действий и насколько верно он исполнял свой долг.

4. Действия, в которых и мотив, и акт по совокупности представляют собой зло. К этой категории относятся такие действия, которые совершаются исключительно с эгоистичными мотивами и во имя чисто эгоистичных целей на физическом плане.

Они включают в себя действия, тормозящие как развитие индивида, так и прогресс человеческого сообщества. Эти действия совершаются ради потакания собственным страстям, таким как чувство мести, похоть, ненависть, ревность, алчность и т.д.

Они включают в себя всё то, что принято называть преступлением и в большинстве стран карается законом. Мотивы в таких случаях исходят из низших планов мышления, а акты принадлежат низшим планам бытия. Потому-то и созданная карма будет действовать только на низших планах.

Но даже наихудшие из преступников в большинстве случаев могут испытывать какие-то добрые побуждения и совершать добрые поступки, и если только их энергии зла не столь велики, чтобы целиком затмить воздействие их доброй кармы, то энергии зла на низших планах смогут вступить в действие лишь после того, как целиком истощится энергия их доброй кармы.

Но если накопленная у них за время жизни энергия зла столь велика, что способна целиком перевесить и нейтрализовать совокупную энергию их редких добрых деяний, то карма зла в субъективных условиях бытия вступит в действие незамедлительно, а благая карма сможет проявить свою силу лишь в следующем объективном существовании.

Большинство злодеяний люди совершают не из абсолютно злых мотивов, а ради получения какой-то выгоды для себя. Так, вор обычно совершает кражу вовсе не для того, чтобы просто отнять у владельца ту или иную вещь, а для того, чтобы каким-то образом нажиться на ней. Подобные поступки — несомненное зло, но поскольку вдохновляющим мотивом здесь не является абсолютное зло, то и энергия сотворённой этими поступками кармы будет недостаточно сильна, чтобы преодолеть некоторую энергию добрых дел.

Однако существует ещё и некая точка, в которой карма, сотворённая добрыми делами, и карма, сотворённая дурными поступками, могут настолько точно уравновешиваться, что совершенно нейтрализуют друг друга. В этом случае личность не будет иметь ни энергии добра, ни энергии зла: человека как будто вообще не существовало или его жизнь как будто состояла из поступков, не относящихся ни к категории добра, ни к категории зла.

5. Действия, не несущие в себе ни блага, ни зла. К этой категории мы можем отнести действия людей, страдающих идиотией, слабоумием и отставанием в развитии, а также поступки, продиктованные страхом перед наказанием или расчётом на вознаграждение.

Если акты такого рода и способны производить благо или зло, то они ограничиваются лишь физическим планом. Что же касается блага или зла в общепринятом понимании этих терминов, то делает их таковыми только мотив. Акт, совершаемый без всякого интеллектуального или морального мотива, не может произвести никакой активной энергии на этих [высоких — перев.] планах.

Надежда же или страх принадлежат [всего лишь] астральному плану — их можно считать эмоциями, порождаемыми заложенным в человеке животным принципом. В тех случаях, когда вся деятельность человека протекает исключительно на низших планах, не может происходить и накопления энергии на более высоких планах.

В этих случаях не производится ничего, достойного похвалы или осуждения, здесь отсутствует значимая карма, способная производить какое-либо воздействие. Такие люди ни добры, ни злы или, как сказано в христианской Библии, они “ни холодны, ни горячи” [66] — они бесполезны, а для таких не может быть и постоянного существования, поскольку в их сознание на более высоких планах бытия не вносятся никаких высоких энергий, а значит, отсутствует то, что могло бы и хотело бы переродиться в качестве индивида.

Всякого человека можно рассматривать как некую материализованную или заключённую в тело идею — или набор определённых идей. Тот же, у кого нет ни собственных идей, ни сколько-нибудь значимой воли, человек не мыслящий, идеи которого суть лишь пустые отражения чужих идей, после растворения его низших принципов не будет испытывать потребности в образовании какой-либо новой формы, в которую он мог бы облечь свои высокие идеи, по той простой причине, что в запасе у него таковых просто не окажется.

Вот почему так опасна всякая лжевера в каких-то личных богов и спасителей: все эти мужчины и женщины, обладающие слабым, нетренированным умом, не напрягают свои умственные силы, полагая, что некий незримый спаситель сделает за них то, что должны сделать они сами. Мотивы их действий проистекают из робких страхов и пустых надежд, и со временем такие люди могут целиком утратить свою индивидуальность, если только их вовремя не побудить к активным усилиям и не заставить таким образом творить карму.

6. Действия, представляющие собой абсолютное зло. Для того чтобы действие можно было назвать абсолютным злом, необходимо, чтобы как его мотив, так и акт представляли собой зло на всех планах и во всех отношениях. Но такое действие немыслимо, поскольку любой интеллектуальный мотив преследует ту или иную цель, через достижение которой человек намеревается что-то совершить, а если он успешно претворит свой план в действительность, то и акт становится благом по отношению к этой цели.

Более того, и большинство преступлений совершаются именно потому, что те могут принести с собой определённую выгоду — так, по крайней мере, полагают преступники. Если бы какое-нибудь всемогущее существо захотело уничтожить весь мир, то оно сделало бы это ради какой-то заранее поставленной цели. Да и желающий уничтожить самого себя самоубийца стремится сделать это с целью ухода из жизни.

Однако бывают и действия, которые почти вплотную приближаются к абсолютному злу: таковы действия, совершаемые единственно ради самого зла без всякого расчёта на получение тем самым какой-либо личной выгоды. Если для осуществления таких действий затрачивается достаточно много интеллектуальной энергии, то разбуженные энергии будут обладать огромной силой, и сохраняться они будут в течение сроков, соразмерных их силе.

Те идеи, которые приводят эти энергии в действие, уже по определению не могут подняться на моральный план бытия, область их действия ограничивается исключительно сферой интеллекта: вот почему в таких случаях мы и наблюдаем накопление мощной и долговременной энергии на низших планах — там они в конце концов и затухнут, но произойти это сможет лишь ценой долгих страданий индивида.

7. Действия, представляющие собой абсолютное благо. Любой акт, достигающий поставленной цели, есть уже сам по себе благо, а если благом является ещё и вдохновивший его мотив, то и действие вполне можно определить, как благо при условии, что ни одно промежуточное последствие такого действия не нанесло при этом никому серьёзного вреда. Вместе с тем трудно представить себе такое действие, которое явилось бы абсолютным благом на всех планах бытия и во всех отношениях.

Любой акт представляет собой определённое изменение, а любое изменение может производиться лишь за счёт потери энергии.

Так, акт благотворительности всегда наносит благотворителю определённый ущерб на одном плане, хотя на другом этот проигрыш может обернуться для него выигрышем. Даже сажая какое-нибудь полезное дерево, мы тратим на это свои силы, ограничиваем своё пространство и расходуем силы — всё то, что мы могли бы, вероятно, затратить на какое-то более полезное дело.

Но если, как мы сказали, бывают действия, почти вплотную подступающие к абсолютному злу, то точно так же бывают и действия, которые подходят совсем близко к тому, что можно было бы назвать абсолютным благом. Создаваемые (активизируемые) в таких случаях энергии относятся к наивысшим сферам бытия и сохраняются в течение сроков, соразмерных силе, приведшей их в движение воли. В субъективных условиях бытия они со временем неизбежно затухают, но процесс их воздействия и создаёт ощущение счастья — в том же смысле, в каком воспоминание о каком-то нашем добром поступке вызывает у нас чувство радости, а память о чём-то дурном порождает в нас угрызения совести.

Итак, жизнь мы могли бы назвать великой математической задачей, которую сможет правильно решить тот, кто лучше всего умеет считать и предвидеть последствия собственных действий. Хороший математик и останется в выигрыше, когда книга его жизни будет завершена. У плохого математика останутся долги, которые ему ещё предстоит оплатить. Те же, у кого на счету не будет ни хорошего, ни дурного, ни на что претендовать не смогут.

Да и к ним самим не будет никаких претензий — они просто не будут больше нужны природе. Те же, кому удастся накопить обширный запас энергии добра, не оставив при этом неоплаченных долгов, увидят перед собой несметные сокровища, которые не истощатся вовеки, а в ином случае такие индивиды смогут вступить и в сферы абсолютного блага, откуда уже не будет возврата к материи.

Таким образом, процессы человеческого развития и достижения совершенства целиком подчиняются законам природы. Нет, процессы эти не направляются одними лишь чувствами — здесь требуется научный подход, в основе которого лежат математические правила, ясно показывающие нам, что творить благо — значит быть мудрым, а наивысшим выражением мудрости является все мировая справедливость.

А. В.

XI. Сознание [67]

“Восстань, дитя, и искупай земные чувства
В источнике иного света — вечного”.

Гёте, “Фауст”

Слово “сознание” означает осмысление. Всё, что способно осмысливать собственное бытие, обладает сознанием, и по мере того, как изменяются состояния бытия, изменяется и сознание.

Любое новое состояние бытия непостижимо, пока оно не пережито и не осмыслено, и начинается ровно с того момента, когда происходит его осмысление. Так, окажись какой-нибудь человек законным владельцем миллионного наследства, то, пока он совершенно не знает об этом, он не сможет ни распоряжаться этими деньгами, ни получать от них удовольствие. Человек не осознаёт существования вещи до тех пор, пока не направляет на неё своего внимания, а всё, что остаётся за пределами его восприятия, для него просто не существует.

Он, скажем, может оказаться как бы в полном одиночестве, находясь в самой гуще толпы. Ему может грозить смертельная опасность, а он об этом может даже не догадываться. Его может со всех сторон окружать свет, а он может совершенно не видеть его.

В нём может пребывать божественный принцип, но он может этого совершенно не ощущать. Его могут ничуть не волновать даже самые сильные чувства, если они непонятны ему. Он может обладать силой, но при этом не знать, как ею распорядиться. Однако, чтобы осмыслить вещь, недостаточно просто увидеть её. Увидеть что-то — значит всего лишь грезить об этом. Осмыслить же вещь — значит включить её в своё сознание. Жизнь — это воистину сновидение, и очень многие так и не могут проснуться до самого её конца.

Смерти как таковой не существует. То, что под ней подразумевается, представляет собой лишь трансформацию жизни и некий естественный переход в иное состояние сознания. Переход этот может быть постепенным и неприметным, как это случается в состоянии бодрствования. А может быть и внезапным, каким он бывает при нашем пробуждении от субъективного состояния сна и переходе к осознанию окружающего нас объективного мира.

Если этот переход из одного состояния сознания в другое происходит постепенно, то человек его даже не замечает. Если же он осуществляется внезапно, то всё, что с нами происходило ранее, пока мы ещё находились в предыдущем состоянии сознания, может не сохраниться в нашей памяти позднее, когда мы окажемся уже в следующем состоянии сознания.

Когда мы пребываем во сне, наше сознание отличается от того сознания, каким мы обладаем в состоянии бодрствования, а сознание человека, пребывающего в состоянии глубокого сна без сновидений, отличается от того сознания, какое у него бывает, когда он просто спит и видит сны. Погружённый в глубокий сон человек не мёртв: нет, он просто в этот момент пребывает в особом духовном состоянии, о котором человек может ничего не помнить по пробуждении.

Точно так же и человек, находящийся в состоянии сна со сновидениями, в одних случаях может, проснувшись, свой сон всё ещё помнить, а в других — нет. Под воздействием хлороформа у человека могут отключаться все его внешние органы восприятия, и, тем не менее, он продолжает осознавать всё, что его непосредственно окружает. Иногда у пребывающего в таком состоянии человека сознание может перемещаться в астральное тело, и, пока его физическое тело погружено в сон и в состояние полнейшего отсутствия сознания да плюс к этому подвергается ещё и болезненной хирургической операции, астральное тело будет находиться в бодрствующем состоянии: оно будет всё осознавать и внимательно наблюдать за всем происходящим.

В обычном состоянии человек может скрывать свои эмоции, но под влиянием наркотика или анестетика его интеллект способен утрачивать свой контроль, и тогда вырывается наружу вся эмоциональная природа человека, проявляя себя в самых разных характерных особенностях.

Находясь в состоянии транса, человек может одновременно переживать самое активное бодрствующее состояние на каком-то более высоком плане бытия и проявлять в этом состоянии гораздо больше мудрости и ума, а по возвращении физического сознания, когда всё его внимание приковывается к одному только низшему плану бытия, он, как правило, уже не вспомнит ничего из того, что говорил или делал, пребывая в предыдущем состоянии.

Самые высокие духовные энергии пробуждаются, когда человек находится в состоянии глубокого сна без сновидений: тогда они объединяются с божественным атмой человека, и об этом состоянии человек по пробуждении не может помнить ничего. А погрузившись в состояние самадхи, человек начинает жить целиком в своём более высоком сознании, и в этом случае может ничего не знать о том, что происходит на низших планах бытия.

Сознание не обязательно возникает одновременно с ощущениями. Мы видим, что под воздействием света химические вещества способны изменять свою форму и цвет, и наблюдаем, как чувствительные растения сворачивают свои листья при прикосновении к ним насекомого, но едва ли можно сказать, что они обладают сознанием или осмысливают своё существование.

Устрица способна испытывать ощущения, но едва ли она способна осмыслить своё место в природе. Человек может ощущать в себе присутствие какого-то божественного элемента и переживать возвышенные устремления, но до тех пор, пока он не осмыслит эти силы, он не сможет воспользоваться ими, так же как не сможет использовать положенные на его банковский счёт деньги, о которых он ничего не знает.

А значит, “сознание” — термин достаточно относительный. Чем точнее человек способен осознавать подлинное состояние своего бытия, тем бóльшим сознанием он обладает. Если он не понимает своего истинного места в мире, то, значит, он пребывает во власти иллюзий. Тот же, кто в совершенстве знает и себя, и окружающий его мир, тот и есть адепт. Овладеть совершенным осознанием собственных сил и способностей — наисложнейшая задача, но разгадавший эту загадку обретёт бессмертие.

К низшему состоянию сознания относится сознание чисто физическое. Это сознание животного: оно способно либо ощущать животное удовольствие, либо испытывать физическую боль. Осознанное восприятие передаваемых нервами ощущений как раз и позволяет животному ощущать удовольствие или боль, а также переживать низшие эмоции.

Поддающийся подобным ощущениям человек может целиком выключать из своего сознания всё, кроме одних только этих ощущений. Вся жизнь человек в этот момент как бы целиком перемещается в тот нервный центр, из которого и проистекает данное ощущение. Бывает горько наблюдать, как умный человек теряет своё достоинство, страпась даже слабой физической боли, или целиком отдаётся страсти чревоугодия, как и любому другому виду животного наслаждения.

С другой стороны, история знает примеры и других людей — людей, души которых ликовали, пока их земные тела сгорали в пламени костра или подвергались мучениям на дыбе.

Если же человек силой воли отстраняет своё внимание от какой-либо части собственного тела или от любого другого объекта, то его сознание перестаёт и воспринимать какие-либо ощущения, возникающие в этой части тела или в этом объекте. И, наоборот, он может сосредоточить всё своё внимание на каком-либо другом человеке или объекте, и тогда всё, с ними происходящее, он станет в какой-то мере ощущать, как происходящее с ним самим. Так, может замертво упасть на землю птица, если застрелить её друга по жизни.

А любящая мать может фактически ощущать ту же самую боль, какую испытывает и её родное дитя в случае какого-нибудь несчастья, поскольку ничто в природе не бывает целиком изолированным от всего остального, и чем глубже будет объединяющая живые существа любовь, тем острее они будут сознавать, что все они суть единое целое.

То, что мы зовём смертью, есть прекращение лишь физических ощущений, но не тех энергий, которые действуют на более высоких планах бытия. Когда в момент смерти человек переходит в иное состояние бытия — такое, в котором он начинает осознавать новый для себя вид ощущений, — то эти новые ощущения становятся для него столь же реальными, как и те физические ощущения, которые он привык переживать в период своей жизни на земле.

При этом в одних случаях сознание может мгновенно переходить на астральный план, где человек будет в полной мере ощущать те же самые эмоции, какие переживал и во время жизни в физическом теле. В других случаях, оставаясь в своей астральной форме, он может погружаться во временный сон, тогда как его сознание перейдёт на духовный план бытия. Но рано или поздно всё ещё действующие на астральном плане энергии пробудят более или менее отчётливое сознание и на этом плане.

В таком случае он сможет в полной мере осознать своё бытие на этом плане и вспомнить события своей физической жизни. А может случиться и так, что он будет похож на полусонного человека, ещё не окончательно пробудившегося ото сна, и тогда он лишь частично будет осознавать условия, в которых теперь оказался.

Если же, находясь в этом состоянии, он вновь вступит в сообщение с физическим планом бытия посредством живущих на физическом плане медиумов, то станет более отчётливо включать в своё сознание этот низший план и станет напряжённо стремиться к нему. Однако, чем отчётливее он будет сознавать этот низший план, тем сильнее станет терять из виду высшие планы бытия.

Вместе с тем действующие на физическом плане жизненные силы будут постепенно в нём затухать, и всё дальше будет заходить процесс распада его физического и одического тел. [68] То же самое будет происходить и с астральными энергиями, и рано или поздно на составляющие элементы распадётся и его астральное тело. Тем не менее, более высокие энергии, относящиеся к интеллектуальному, моральному и духовному планам бытия будут по-прежнему действовать, а когда они наберут полную силу, индивид перейдёт в состояние девачана. Там эти энергии будут всё так же действовать и продолжать своё осознаваемое индивидом существование.

Но это сознание будет сохраняться у индивида лишь до тех пор, пока с течением времени целиком не иссякнет весь тот импульс, что был накоплен им в течение физической жизни. Вот тогда-то лишённая сознания монада и вернётся на землю, чтобы в очередной раз набраться там нового запаса сил, пребывая в качестве уже новой перевоплотившейся личности.

Действующее же на астральном плане сознание [живого человека — перев.] представляет собой процесс осознанного переживания всех относящихся к этому плану инстинктов, импульсов, эмоций и страстей. Во время жизни на физическом плане они могут с большей или меньшей отчётливостью осознаваться в виде неясного и неопределённого чувства симпатии и антипатии, притяжения или отталкивания и проявляться в виде неких предчувствий, служа человеку своего рода предостережениями. Встретившись с незнакомым нам человеком, мы можем тут же почувствовать, что нас какая-то сила либо влечёт к нему, либо отталкивает от него.

Бывает, что нашей жизни может грозить немалая опасность, и, хотя наши физические органы чувств неспособны распознать её, она ясно прочитывается нашим астральным сознанием, и в этом случае астральный человек может передавать физическому ощущение грозящей ему опасности. Порой же астральный человек может настолько ясно сознавать эту грозящую опасность, что способен “нарисовать” её физическому человеку во всех её мельчайших подробностях.

Человек, у которого всё внимание целиком поглощено одним лишь физическим планом бытия, может и не воспринять эти предчувствия всерьёз или не почувствовать их. Однако люди, для которых более привычно жить как бы в двух мирах сразу (то есть на двух планах бытия одновременно) зачастую такие предчувствия ясно ощущают.

У человека, находящегося в состоянии транса или сомнамбулизма, сознание целиком концентрируется на более высоких планах бытия, и при этом совершенно выпускается из поля зрения объективное существование физического тела. В других же случаях оно может воспринимать физическое тело как нечто отдельное от себя и нуждающееся в особой заботе.

И тогда оно может отдавать ему распоряжения, подобно тому, как врач назначает пациенту лечение, и физическое сознание, пробудившись, будет инстинктивно следовать этим указаниям. Удивительно, но если астральный человек что-то рекомендует, то физический человек непременно и в точности исполнит все его рекомендации, хотя впоследствии может совершенно этого не помнить.

Как может спать физический человек, так спать может и астральный, и когда астральное сознание человека оказывается не в полной мере активно, то могут возникать и нежелательные ситуации: так, лунатик способен во время сна отправиться в такие места, куда человек в нормальном состоянии никогда бы не пошёл, и физическое тело в этом случае может оказаться в опасной для него ситуации.

Когда у человека в полную силу действует более высокое сознание, то, находясь в этом состоянии, человек и ведёт свою жизнь совершенно не так, как в физическом состоянии. Всё, что привлекает его в одном состоянии, может отталкивать его, когда он оказывается в другом состоянии. Например, человек может кого-то ненавидеть в бодрствующем состоянии и вместе с тем боготворить, пребывая в состоянии транса [69].

То, что представляется иллюзорным физическому человеку, может оказаться реальностью для астрального, а то, что кажется объективным в одном состоянии, представляется иллюзией в другом. Физический мозг получает отчётливые впечатления только посредством физических органов чувств, поэтому и ощущения, испытываемые астральным мозгом, не оставляют глубоких впечатлений в физическом мозге. И только пребывая в полубессознательном состоянии, человек может воспринимать неясные впечатления одновременно с обоих планов.

Во время обычного месмерического транса сознание человека не переходит целиком на астральный уровень, а потому и оказывается частично под воздействием месмеризатора. Введённый в это состояние человек способен очень точно описать никогда не виденные им лично, зато хорошо знакомые месмеризатору места.

Кроме того, последний может вообразить себе, будто в таком-то месте существует такой-то предмет, хотя его там никогда не было в действительности, и, тем не менее, введённый в транс человек способен очень точно описать этот предмет.

Но иногда астральный человек способен выходить из-под власти месмеризатора, обретать самосознание и действовать вполне самостоятельно. У бодрствующего человека, как известно, состояние физического сознания может быть разным: оно может отличаться полной ясностью, но, с другой стороны, человек может быть и рассеянным, а то и целиком терять сознание.

Точно так же и астральный индивид может находиться в сознательном, полубессознательном или в целиком бессознательном состоянии. Когда человек погружается в сон или вводится в состояние транса, то его астральное тело способно испытывать особое влечение к той или иной местности и к тем или иным людям, но, оказываясь там и посещая этих людей, оно совершенно не сознаёт того, где и с кем рядом оно находится в данный момент.

В таком же полубессознательном состоянии астральное тело может пребывать и в момент смерти после своего отделения от физического тела и нередко может оказываться насильно притянутым в определённые местности и к определённым людям.

В этих случаях достаточно будет живому месмеризатору частично вернуть ему сознание, как оно начнёт давать ему внятные ответы на все поставленные вопросы. Однако астральное тело способно находиться также и в совершенно ясном сознании как до, так и после смерти, и вести себя при этом вполне разумно и рассудительно.

В тот момент, когда мы упорно сосредотачиваем свои мысли на каком-либо человеке или местности, наши наивысшие мыслительные энергии и в самом деле оказываются в этих местах. Они действительно туда перемещаются, и если человек уже ранее бывал там, то отыскать эти места ему не составит никакого труда.

Если при этом наши астральные принципы окажутся достаточно чисты, чтобы сопровождать нашу мысль, то туда же вместе с нею отправится и наше астральное тело, проецируемое силой воли. Чем напряжённее мы будем думать об этой местности, тем легче окажется для нас и этот волевой акт. И тогда мы действительно окажемся в нужной нам местности, и при этом сознание наше будет ясно фиксировать всё, что мы будем при этом делать.

Вернувшись в своё физическое сознание, мы можем в одних случаях помнить, а в иных — не помнить всего, пережитого нами в этом состоянии. Если наши низшие астральные принципы станут крепко цепляться за наше физическое тело, находя наибольшее сродство именно в нём, а не в наших мыслях, то мысль наша всё равно посетит нужную местность, но при этом сознание наше не сможет стать активным, поскольку не найдёт рядом с собой достаточного сопровождающего материала, который позволил бы ему действовать самостоятельно.

В этом и состоит заветный секрет искусства проецирования астрального тела на расстояние. Владеть им можно уже от рождения, а можно обрести и практическим путём.

Встречаются люди, у которых в силу ли наследственной особенности или по причине каких-то заболеваний может происходить произвольное или непроизвольное отделение физического и астрального тел друг от друга. В этих случаях астральное тело может сознательно или бессознательно странствовать на далёкие расстояния, посещая определённые местности или определённых людей, и либо с помощью собственного одического тела, либо пользуясь одическими эманациями других людей, оно способно *“материализоваться”* — превращаться в видимую и осязаемую форму.

Более высоким по отношению к чисто астральному сознанию является сознание, действующее на интеллектуальном и моральном планах бытия. Способный к переживанию этих видов сознания индивид как бы возносится в царства высшего знания и высшей правды и купается там в их возвышенных источниках.

Так, целиком поглощённый мыслями на какую-то интеллектуальную тему человек может перестать сознавать всё, что не касается мучающего его интеллектуального вопроса, — в эти минуты он уже не способен ни осознавать своё физическое окружение, ни испытывать низшие эмоции. Он может полностью абстрагироваться от окружающей его среды, и, пусть даже телом своим он находится в каком-то конкретном месте, ум его может блуждать в сфере идей.

Человек с достаточно развитым моральным сознанием обладает и соответственным уровнем понимания того, что есть добро и что есть зло. В меру этого своего знания он достигает и соответствующей свободы воли, и теперь он уже бывает менее подвержен воздействию тех эмоций, которые ранее возникали в нём, рождаясь из ощущения своей обособленности от других людей.

Индивидуальное сознание возникает на низшей стадии жизни. Мало-помалу животное начинает осмысливать своё место в природе как некой формы, отличной от других форм бытия. Всё своё внимание оно безраздельно уделяет удовлетворению лишь своих физических потребностей и тянется к одним только наслаждениям.

Если человек занят исключительно мыслями о потребностях и желаниях того бытия, которое завершается с прекращением жизни его физического тела, и отрицает существование невидимой вселенной, не вслушиваясь в доносящиеся от неё голоса, то и осмыслить он сможет лишь своё существование на одном только физическом плане.

Для того чтобы развить в себе более высокое сознание, человек не должен позволять себе оказываться пленником одних лишь чувственных впечатлений — он должен сосредотачивать своё внимание на впечатлениях, идущих изнутри него.

Для достижения этого можно рекомендовать целый ряд различных методик, но все они, как правило, сводятся к одному и тому же: к выработке умения абстрагироваться от чувственных воздействий внешнего мира и мысленно сосредотачиваться на мире внутреннем.

Так, человек может присутствовать на какой-нибудь яркой проповеди, но она оставит его совершенно равнодушным, пока он не станет вслушиваться в каждое слово красноречивого проповедника. Человек, не привыкший вслушиваться в голос своей совести, может постепенно утратить вообще всякую способность слышать его. Человеку, не обращающему внимание на смысл тех или иных символов, эти символы ничего и не расскажут.

Чтобы победить смерть, человек должен научиться сознать жизнь в наивысших состояниях её активности. Низшее сознание индивида прекращается с прекращением существования его физического, одического и астрального тел. Если элементы, образующие то или иное более высокое бытие, не задействованы при жизни, то и после смерти они останутся бездействующими, а то, чего не существует, не сможет быть и включено в сознание индивида.

Однако если человек ещё при жизни на низшем плане начинает осознавать присутствие духовного бытия, то последнее будет существовать для него и тогда, когда он окажется на высших планах бытия.

Нет, оно не начнёт существовать на этих планах после его смерти, поскольку уже существует, но оно обретёт особенную яркость на этих планах после того, как на них перейдёт вся совокупность энергий, действующих на низших планах бытия.

Главная трудность на этом пути состоит в том, чтобы сделать физический мозг способным воспринимать те воздействия, что исходят из более высоких планов: иными словами, необходимо научиться переносить наивысшее астральное и духовное сознание на физический план бытия. Но это уже вопрос эволюции человека, а она может происходить у кого-то медленнее, а у кого-то быстрее в зависимости от того, насколько мы помогаем природе своими собственными усилиями.

Но стоит лишь достичь этой точки, как индивид перестаёт сознавать себя как отдельную индивидуальность и начинает понимать, что он — неразрывная частица бесконечного *“всё”*. Достижение этого состояния сознания и составляет главную цель всякого, мечтающего достичь наивысшей степени совершенства.

А. В.

ХII. Идеация [70]

Освобождение и развитие

"В оккультной вселенной, охватывающей собою все первопричины, основой всему служат два принципа: космическая энергия и космическая идеация".

Ум, согласно распространённому определению, представляет собой *"интеллектуальную способность человека"*, а коль скоро под человеком подразумевается та или иная личность, то указанное определение превращает ум в нечто, заключённое внутри физического тела.

Вот почему некоторые современные физиологи так прямо и говорят: ум, по их мнению, — это одна из функций мозга. Окажись, однако, это определение верным, оно не оставило бы ни единой возможности для передачи мысли на расстояние, поскольку исключало бы необходимую для этого передаточную среду.

Если из пространства откачать весь воздух, то мы уже не услышим в нём ни одного звука. Точно так же и мысль: она не может двигаться от одного человека к другому при отсутствии между ними материала, способного играть роль проводника. Но все мы хорошо знаем, что производимые музыкальным инструментом звуки вовсе не гаснут в этом самом инструменте, и могут легко восприниматься слухом на различных расстояниях в зависимости от высоты и силы их звучания.

Поэтому даже самые критически настроенные исследователи психологических явлений [71] сегодня признают, что передача мыслей на расстояние не только возможна, но и реально происходит каждый день, и любой желающий исследовать этот вопрос, легко найдёт способы провести соответствующие эксперименты — либо молча передавая свои мысли другим, либо — если он обладает чувствительной натурой — позволяя другим мысленно воздействовать на него.

И тогда он обнаружит, что, как производимые одним музыкальным инструментом звуки способны возбуждать соответствующие вибрации у другого подобного же инструмента, так и мыслительные вибрации, возникающие в одном мозге, могут порождать схожие мысли и идеи в сходно устроенном мозге других людей.

Свет движется в эфире со скоростью свыше ста тысяч миль в секунду. С такой же скоростью мчится и мысль, переходя от одного мозга к другому. Пронесшийся в пространстве луч света может быть уловлен и поглощён каким-либо непроводящим материалом. Точно так же и пронесаясь в пространстве мысль может быть зафиксирована и усвоена адептом.

Ум есть определённое состояние разлитой по вселенной активной энергии космоса, и, как лёгкие способны вдыхать в себя окружающий воздух и, изменив его состояние, выдыхать назад в окружающее пространство, так и мозг получает извне некие идеи, преобразует их в своей лаборатории и затем возвращает их назад во внешнюю среду. Любой звук может восприниматься неограниченным множеством людей. Точно так же воздействовать на мир способна и мысль.

Как брошенный в воду камешек способен производить круги, которые с расстоянием оказываются всё шире и шире, но при этом теряют свою отчётливость, так и мысль может воздействовать на отдельного человека, на целую его семью или страну, а до отдалённых земель она сможет дойти лишь тогда, когда волна многократно ударится об их берега.

Этот носитель разума может находиться в различной степени активности, и для направления его деятельности вовне могут потребоваться усилия воли различной интенсивности. Напряжённая мысль обладает большей силой по сравнению с обычной пассивной игрой воображения. Как лучи зажжённой свечи бывают наиболее активны в непосредственной близости от пламени, так и этот мыслительный эфир (акаша) в наиболее активном и концентрированном виде собирается вокруг чувствительных центров и органов мышления.

Более того, он способен в этих областях как бы кристаллизироваться и становиться чем-то объективным по отношению к человеку, из мозга которого он изошёл.

Мыслить о той или иной вещи — значит выстраивать в уме некий образ, и чем напряжённее, чётче и свободнее от всяких колебаний будет мысль, тем более реальным будет и создающийся при этом образ. Чем менее эгоистична мысль, тем шире и диапазон её действия.

И наоборот, чем она будет более эгоистичной, тем сфера её действия будет становиться уже, изолированнее и тем сильнее она будет стремиться к самоуничтожению, к гибели в собственном огне. Чистота мысли означает её строгую целенаправленность и свободу от посторонних примесей.

Подлинной силой обладают лишь чистые мысли. Нечистые же способны порождать лишь иллюзии и галлюцинации. Могучие духи (состояния ума) вызываются к жизни лишь чистыми помыслами.

Поскольку строгая целенаправленность мысли является одним из важнейших условий при совершении любой магической операции, то из этого следует полная невозможность получения духовных результатов из сугубо материальных соображений. Подлинную любовь, патриотизм, филантропию невозможно купить за деньги.

Ни один святой не сможет погрузиться в состояние религиозного экстаза за мзду, и если только какой-нибудь йог станет демонстрировать свои способности ради получения материальной выгоды, то он эти способности очень скоро утерять. За деньги можно купить только имитацию, тогда как всё подлинное требует для себя высокого мотива. Вот почему подлинные магические способности не смогут никогда обрести для себя все те, кто мечтает употребить эти способности на удовлетворение своих сугубо эгоистических интересов.

Любая идея, возникающая в лаборатории мозга одного человека, может быть запечатлена в сконцентрированном мыслительном эфире (астральном свете), окружающем и пронизывающем мозг другого человека, и если интенсивность этой идеи достаточно высока, то она может становиться чем-то объективным по отношению к этому человеку.

Именно таким образом один человек или даже группа людей могут наблюдать формы идей, создаваемых другим человеком: эти формы, будут являться их взору в объективном виде, и эти люди могут оказываться в галлюцинаторном или психологическом плену у этого человека.

Идея, запечатлённая в астральном свете человека, не обязательно может доходить до сознания этого человека, да и отпечаток этот может в одних случаях быть чётким, а в других смазанным. Но как звук вибрирующей струны дольше всего задерживается в непосредственной близости от производшего его инструмента, так мысли и представления глубже всего укореняются в памяти у того человека, который их и породил.

Нежелательные мысли оставляют после себя лишь самый поверхностный след. Возвышенные же и духовные идеи проникают далеко в глубь сознания (ума). Если мы оглянемся на свою прожитую жизнь, то обнаружим, что приятные события, как правило, запечатлены в нашей памяти прочнее, чем неприятные или болезненные — правда, при условии, что последние не отличаются какой-то особой, необычной интенсивностью.

Все однажды родившиеся мысли ещё какое-то время продолжают оставаться в астральном свете — одни дольше, другие в течение более короткого отрезка времени. Когда мы говорим, что помним о чём-то, то это означает, что мы способны считывать это “что-то” из астрального света. Астральный свет — это книга памяти, на страницах которой зафиксированы все события нашей жизни, и чем глубже они впечатаны в эти страницы, тем дольше сохраняются — даже при полном затухании физического сознания.

Старость или болезнь могут лишить физического человека способности легко скользить по страницам этой книги, но перед астральным человеком они будут возникать сами собой и не исчезнут по его желанию. Благие мысли и поступки оставляют более глубокие отпечатки, чем дурные, если сила и первых, и вторых одинакова, поскольку первые отличаются более тонкой природой, а потому и способны проникать глубже.

Грубые мысли и эмоции человека остаются после смерти в его астральном коконе и умирают вместе с последним. Что же касается духовных воспоминаний, то вместе с высшими духовными элементами они переходят в состояние девачана. Отрицательные воспоминания стираются из памяти человека не раньше, чем истощится сила их следствий, а связанные с ними мучительные переживания могут лишь ещё сильнее запечатлевать их в сознании.

Положительные воспоминания сохраняются дольше, но мало-помалу затухают даже их энергии, и тогда духовная монада погружается в сон, из которого пробуждается уже в своей следующей объективной жизни на земле.

Памятью обладают не только люди и животные: любой камень, любое растение и любое физическое вещество окружено собственной акашей, в которой хранится вся история существования как их самих, так и окружающей их среды, [72] благодаря чему любая отдельно взятая вещь — как бы малозначительна она ни была — может многое рассказать о своём житье-бытье, начиная с момента её зарождения в виде формы, и заканчивая сегодняшним днём: надо лишь понимать её язык.

Любая мысль, любое слово и любое действие оставляют свой отпечаток в астральном свете, и отпечаток этот — при наличии благоприятных условий — может обретать объективный характер и становиться видимым даже для не отличающихся особой чувствительностью людей, которые по ошибке могут принять их за привидения и призраки. *“Дома с привидениями”* — вовсе не выдумка.

Любой поступок, совершённый со значительной концентрацией мысли, продолжает оставаться в виде образа в астральном свете и имеет склонность повторяться, побуждая других людей совершать подобные же действия. Так, преступления определённого характера могут в некоторых местностях принимать характер эпидемии, и то или иное действие, совершённое одним человеком, может оказаться заразительным для других. Известен случай, когда в своей тюремной камере повесился некий заключённый, но вслед за тем точно так же один за другим повесились и несколько других помещённых в ту же камеру людей.

Подобно тому, как луна отражает в себе свет солнца, ум человеческий отражает в себе мировой Ум. Человеческая душа — это не какой-нибудь сам собой играющий музыкальный инструмент. Её можно сравнить с арфой, которая начинает издавать гармоничные звуки: нужно только, чтобы струн её коснулась рука мастера. А можно сравнить её и с “изумрудной скрижалю”, на которой буквами света запечатлены мысли Всевышнего. Провидцам и пророкам всех веков был слышен и понятен этот язык — вот только его перевод оказывался в их устах несовершенным вследствие несовершенства языка тех времён.

Поскольку любая внешняя форма есть выражение того или иного состояния сознания (ума), то, значит, это определяющее форму состояние сознания присутствует в астральном свете уже задолго до проявления себя на физическом плане бытия. Эмоционально-нравственное заболевание может возникать задолго до того, как им поражается физическое тело. Но то или иное эмоционально-нравственное заболевание может и само вызываться тем или иным чисто физическим заболеванием. Нравственность человека нередко зависит также и от состояния его физического здоровья, а состояние физического здоровья — от его нравственности. [73]

Возьмём, например, двух человек. Допустим, что внешне они ничем не отличаются друг от друга, но в одном из них мы ощущаем присутствие высокой нравственной чистоты, а от другого исходят “ядовитые” токи. Однако с течением времени состояние их нравственных качеств неизбежно отразится и в чертах их внешности.

Это различие в невидимых глазу состояниях сознания зачастую можно почувствовать независимо от внешности человека, и наделённый интуицией человек всегда ощутит гигантскую разницу между любимыми предметами, пусть даже эти последние и обладают как будто одной и той же внешней формой. Атмосфера одного здания может совершенно отличаться от атмосферы другого, хотя по архитектуре и внутреннему убранству они могут ничем не отличаться друг от друга: чем более чуткой восприимчивостью обладает человек, тем острее он почувствует эту разницу, тогда как человек “толстокожий” этой разницы не ощутит вовсе.

То или иное состояние сознания (ума) способно вызывать подобное же состояние и в своём собственном окружении: иными словами, состояние астрального света одной формы способно изменять то же состояние у другой. Прядь волос, предмет одежды, собственноручно написанная записка, как и любой другой предмет, которого касался, который носил на себе и с которым так или иначе имел дело человек, может многое поведать тому, кто наделён достаточной интуицией, о состоянии здоровья этого человека, о его физических, эмоциональных, интеллектуальных и нравственных особенностях и чертах.

Так, портрет убийцы способен запечатлеваться на сетчатке глаз жертвы, и в некоторых случаях его можно даже воспроизводить фотографическим способом. Помимо этого, он неизбежно запечатлевается также и во всём окружении места происшествия, а значит, может быть зафиксирован психометром, способным войти en rapport [74] с преступником, проследить все события его жизни даже после его бегства с места преступления и в конце концов настигнуть его — точно так же действуют и гончие, пущенные по следу беглого раба. [75]

Эта способность астрального света пребывать внутри материальных тел придаёт амулетам их силу и наделяет памятные вещи и реликвии определёнными оккультными свойствами.

Какое-нибудь колечко, прядь волос, письмо от близкого друга не только вызывают в нашей памяти облик того или иного человека, но и ментально связывают нас с тем особым состоянием сознания, с которым мы этого человека ассоциируем.

Если вы хотите забыть о ком-то, желаете освободиться из-под власти его магнетического притяжения, то избавьтесь от всего, что напоминает вам о нём, или оставьте у себя лишь такие предметы, которые вызывают у вас неприятные воспоминания о нём, рожают отталкивающие образы и чувство отвращения к нему. Вещи, принадлежащие человеку, помогают установить с ним связь, хотя для самого этого человека всё может протекать вне его сознания, и обстоятельство это иногда используется в чёрной магии.

Поскольку любая форма является внешним выражением того или иного состояния сознания (ума), то это означает, что любой предмет должен обладать и определёнными качествами, относящимися к данному состоянию, и тогда становится понятно, почему любое вещество обладает набором тех или иных симпатий и антипатий, почему, например, магнитный железняк притягивает к себе железо, а железо — кислород из атмосферы; почему гигроскопические тела притягивают к себе воду; почему между некоторыми двумя телами может возникать сродство и почему одни вещества изменяют свой цвет под воздействием световых лучей определённого цвета, а другие на них не реагируют вообще и т.д.

Если взглянуть на дело с этой точки зрения, то тогда уже не покажется столь нелепой вера древних в особую силу драгоценных камней, а они считали, что гранат дарует человеку чувство радости, халцедон способствует смелости, топаз укрепляет целомудрие, аметист помогает рассудку, а сапфир развивает интуицию. Для того чтобы та или иная духовная сила могла проявить своё действие, ей требуется какой-то восприимчивый к ней предмет, а в эпоху, склонную к крайнему материализму, духовные влияния могут перестать ощущаться вообще. [76]

Но если человек не в состоянии ощутить оккультные воздействия природы, то из этого отнюдь не следует, что этих воздействий не существует вовсе, поскольку могут найтись и другие люди, способные воспринять их благодаря своей более чуткой восприимчивости.

Только невежда может полагать, будто он уже всё познал. В сравнении с тем, что ещё остаётся человеку неизвестным, реально познанное можно сравнить лишь с крохотной песчинкой на берегу океана. Физиологам хорошо известно, что целый ряд растений и химических веществ обладает особыми свойствами, которыми и можно объяснить их вторичные эффекты.

Они знают, что наперстянка замедляет пульс, парализуя сердечную деятельность; что белладонна расширяет зрачок, парализуя мышечные волокна радужки; что опиум в малых дозах действует как снотворное, поскольку вызывает анемию мозга, а в больших дозах приводит к коме вследствие переполнения мозга кровью.

Однако почему эти вещества обладают подобным действием и почему, например, соединение азота, кислорода, углерода и водорода в одном химическом сочетании может действовать как смертоносный яд, тогда как те же самые вещества, но соединённые в другом стехиометрическом соотношении, могут безопасно употребляться в пищу, ни химия, ни физиология нам сегодня ответить не могут. Если же взглянуть на любые внешние формы как на некие символы состояний сознания, то догадаться, почему стрихнин ядовит, нам окажется не труднее, чем понять, почему ненависть способна человека убить, а страх — вызвать паралич сердца.

То или иное состояние сознания возникает под действием самых разнообразных факторов. Простую идею бывает не так-то просто изменить, если она однажды укоренилась в сознании. Сложная же идея поддаётся изменению гораздо легче: можно изменить в ней какие-то частности, и мало-помалу у нас в конце концов появится какая-то совершенно новая идея.

В физической химии действует аналогичный закон.

Сложные тела можно легко перестроить и образовать из них новые соединения, тогда как простые тела сегодня не поддаются никакому преобразованию. Тем не менее, есть основания полагать, что даже эти простые тела образованы из чего-то ещё более элементарного. Например, было замечено, что при ударе молнии могут темнеть позолоченные украшения, а при анализе потемневшего вещества обнаруживалось явное присутствие в нём серы.

Если сера отсутствует в составе молнии, то, значит, она должна присутствовать в составе золота, а под воздействием удара молнии происходит её высвобождение из золота. Таким образом, у нас есть все основания допустить, что золото содержит в себе элементы серы. Причём золото в этом отношении не составляет никакого исключения, поскольку, как было доказано, элементы серы содержатся и в целом ряде других металлов, так что мечтания алхимиков могут в конце концов оказаться не столь уж безосновательными. [77] Считается, что сера связана с азотом, а водород и углерод рассматриваются как элементы, связанные с азотом. Если пойти ещё дальше, то можно прийти к выводу, что даже на физическом плане бытия все формы представляют собой лишь модификации единого первоэлемента.

Corpora non agunt nisi fluida sint. [78] В физической химии могучим растворителем является теплота, а в химии сознания — Воля. *“Как вверху — так и внизу”*. Законы, по которым работает ум [или сознание — перев.], имеют свои соответствия в виде законов, действующих в области физической материи. Законы, регулирующие деятельность Мирового Ума, можно исследовать, наблюдая за деятельностью человеческого сознания.

Человек в ходе своей умственной деятельности, идеации, способен определённым образом влиять на окружающий его малый мир. Однако точно такое же воздействие на мир оказывает и космическая идеация — но только в неизмеримо большем масштабе. Человек представляет собой единый живой организм: центром разума у него выступает мозг, который как бы *“вдыхает”* разумность в различные органы, определяя характер всех их движений, положений и внешних черт.

Через мозг непрерывно текут мысли: одни мысли приходят — другие уходят; одни являются долгожданными гостями, другие вторгаются без спроса. Добрые мысли озаряют сердце и приносят лёгкость, злые же омрачают и отягощают его. По мере того, как изменяется характер мыслительной деятельности, идеации, изменяется и внешнее выражение тех или иных форм. И изменения эти могут либо исчезнуть со временем без следа, либо закрепиться в форме навсегда.

Те или иные состояния сознания могут заставлять человека принимать те или иные позы, а определённые позы могут вызывать у человека и соответствующие состояния сознания. Актёру, способному целиком отождествить себя с изображаемым им персонажем, не требуется специально заучивать позы для того, чтобы выглядеть естественным. Человеку в состоянии гнева достаточно заставить себя улыбнуться, как гнев его тут же ослабнет.

У человека, который постоянно хмурит брови, в конце концов столь же хмурой окажется и душа. По схожим же причинам, вероятно, некоторые религиозные ритуалы и церемонии должны сопровождаться конкретными позами и жестикulyацией.

Во всём космосе нет ничего неживого. Мировой ум как совокупность всех умов воздействует на мир следствий [79] через чувственную сферу акаши. У него есть свои центры разума (представленные богоподобными планетарными сущностями), свои потоки мысли и центры активности, свои источники эмоций, свои электрические токи и свои мастерские, в которых трудятся силы стихий. Идеи сначала порождаются воображением природы, а затем кристаллизуются в виде тех или иных материальных форм.

Никакие идеи не возникают у человека просто так: каждая есть продукт того или иного состояния сознания. Ни один человек неспособен выдвинуть ни одной абсолютно оригинальной идеи: он может воспринимать, улавливать и модифицировать лишь то, что уже существует. Так же и космическая идеация: она не представляет собой ничего совершенно нового и оригинального, ибо она есть лишь продукт космической эволюции. В начале каждого нового *“дня творения”*, когда *“при общем ликовании утренних звёзд”* [80]

Природа вновь выходит из божественного лона, итоги предыдущей эволюции порождают следствия, вызывающие к жизни ещё более совершенные формы. С точки зрения нашего конечного ума, прогресс представляет собой нескончаемый процесс, в котором порождаемые прошлым следствия становятся причинами для будущего. С точки же зрения вечности, нет ни прошлого, ни будущего, и существует лишь невыразимое имя, буквы которого вписаны в саму Природу.

А. В.

СНОСКИ

Опубликовано под псевдонимом «Американский буддист»

The Theosophist, vol. 5, No. 8. Madras, May, 1884, pp. 189-191

Edwin Arnold. Light of Asia. (“Свет Азии”). Book 6. Аттавада, “грех себялюбия”, первый из десяти могучих грехов, явившихся по призыву Мары для искушения Будды. Аттавада выступает в женском облике (примеч. перев.).

Процесс усвоения организмом необходимых и полезных ему веществ, и процесс удаления или выведения из него веществ ненужных и вредных (примеч. перев.).

Седьмой и шестой принципы (примеч. перев.).

Существуют, однако и исключения (примером чего служат чёрные маги): в этом случае достигается ещё бо́льшая степень индивидуализации “я” вследствие того, что шестой принцип у них частично захватывается низшими принципами. Но такое состояние, пусть и весьма продолжительное, не является вечным, а поскольку в этих случаях наблюдается полнейшее отсутствие седьмого принципа, то для нашего исследования они не представляют никакого интереса (примеч. автора).

Манаса (примеч. перев.).

Автор цитирует роман Э. Булвер Литтона “Занони”, гл. 10 (Sir Edward Bulwer Lytton. Zanoní. Ch. x) (примеч. перев.).

Там же, гл. 9 (примеч. перев.).

The Power of Will. The Theosophist, vol. 5, No. 9. Madras, June, 1884. P. 214-216 (примеч. перев.).

Гельмонт (Helmont), Ян Батист ван (1579–1644) – голландский естествоиспытатель, врач, философ-мистик, алхимик. Первооткрыватель углекислого газа. Ввёл в научный оборот термин “газ” (примеч. перев.).

Таковы три аспекта абсолюта. См. Е.П. Блаватская. Тайная доктрина. Пролог, а также Станс I (2) (примеч. перев.).

Sir Edward Bulwer Lytton. Zanoni. In Three Volumes. Vol. II. London, 1842. P. 171 (примеч. перев.).

Ibid. P. 174 (примеч. перев.).

Или “стихияли”, как их называет Д. Андреев в своей “Розе мира” (примеч. перев.).

Ibid. P. 240 (примеч. перев.).

Письма Махатм А.П. Синнетту. Приложение № 2. Первое письмо К.Х. к А.О. Хьюму. Пер. с англ. В.В. Базюкина (примеч. перев.).

Там же (примеч. перев.).

Религиозно-философском журнале (примеч. автора).

Профессор У.А. Хэммонд (W.A. Hammond), “A Treatise on Insanity”.

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. IV. Knowledge. The Theosophist, August, 1884. P. 264-266. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “А.В.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Zanoni. Vol. II. London, 1842. P. 159 (примеч. перев.).

Паскаль Беферли Рэндольф (Pascal Beverly Randolph) (1825-1875) — американский мистик, врач, медиум. Автор ряда книг оккультного содержания (примеч. перев.).

P.B. Randolph. Seership! The Magnetic Mirror. Boston, 1870. P. 1. Это же четверостишие в чуть изменённом виде приводит махатма К.Х. в своём письме № 19 (примеч. перев.).

Вероятно, намёк на слова Сократа, приведённые Платоном в “Апологии Сократа”: ἐν οἷδα ὅτι οὐδὲν οἷδα (“Одно знаю, что ничего не знаю”) (примеч. перев.).

Быт. 28:10-19. Аллюзия на оккультное учение о “семи планетах”, “сферах”, “глобосферах”, составляющих “земную цепь”.

Согласно этому учению, человечество ныне находится на средней, четвёртой по счёту, “планете” (D), вслед за которой ему предстоит постепенный подъём к высшей и наиболее духовной “сфере” (G) (примеч. перев.).

Иез. 1:16 (примеч. перев.).

Чарльз Брэдлоу (1833 – 1891) — английский политический деятель, известный своими радикальными антицерковными взглядами (примеч. перев.).

Роберт Грин Ингерсолл (1833 – 1899) — известный американский юрист и общественный деятель. Снискал известность своими яркими публичными лекциями на антицерковные темы (примеч. перев.).

Флоренс Найтингейл (1820 – 1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании (примеч. перев.).

См. рецензию на книгу “Posthumous Humanity” (“Посмертие человечества”), опубликованную в предыдущем номере The Theosophist (примеч. автора).

Чарльз Х. Фостер (Charles H. Foster) (1838 – 1888) был известным американским медиумом XIX века, который утверждал, что обладает способностью общаться с духами умерших (примеч. перев.).

Паскаль Беферли Рэндольф (Pascal Beverly Randolph) (1825 – 1875) — американский мистик, врач, медиум. Автор ряда книг оккультного содержания (примеч. перев.).

Ср.: Быт. 3:15 (примеч. перев.).

Иов 38:7 (примеч. перев.).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. VI. Imagination. The Theosophist, October, 1884. P. 6-8. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “A.B.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Или в “режиме приёма, считывания информации” (примеч. перев.).

Sir John Lubbock, “British Association Proceedings” (примеч. автора).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. VII. Intuition. The Theosophist, November, 1884. P. 36-38. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “А.В.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Примером этого может служить эффект плацебо (примеч. перев.).

См. Бхагавадгита. Гл 4, ст. 40. Полный текст этого четверостишия звучит так: “Тот, кто полон сомнений, без веры, не имеющий знания, — гибнет; сомневающийся теряет и другой мир, и этот, и счастье” (перевод В.С. Семенцова) (примеч. перев.).

“Сим победишь” (лат.). По легенде, эту фразу увидел римский император Константин Великий вместе с крестом на небе перед битвой у Мильвийского моста в 312 году. Видение было воспринято Константином как знак божественного вмешательства и обещание победы (примеч. перев.).

Именно этот знак и был выбран в качестве официальной эмблемы Теософского общества (примеч. перев.).

Иными словами, развёртывания и свёртывания космоса (примеч. перев.).

При короле Людовике XV парламентом был принят и утверждён указ следующего содержания: “Всякая [дама — перев.], которая с помощью ли палочек [для нанесения макияжа — перев.] или белил, духов, эссенций, искусственных зубов, накладных волос, ваты, железных корсетов, обручей, обуви на высоких каблуках или накладных бёдер попытается привлечь к браку любого мужчину, являющегося подданным Его Величества, будет привлечена к ответственности за колдовство и объявлена неспособной к браку” (примеч. автора).

Читатель может подумать, что под вышеупомянутое определение подпадают также и различные иллюзионисты, которых также следует считать волшебниками. На самом деле это не так.

Хотя во время подобных выступлений и происходит обман чувств, а сами выступления и устраиваются с целью извлечения выгоды, они, тем не менее, проводятся с согласия зрителей, которые отлично сознают, что будут обмануты, и основной элемент мошенничества в них, таким образом, отсутствует. А вот когда участники публичных сеансов оскорбляет “медиумов”, то происходит это потому, что они считают себя жертвами мошенничества. Иллюзионисты обычно таким нападкам не подвергаются (примеч. автора).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. VIII. The Real and the Unreal. The Theosophist, December, 1884. P. 54-57. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “A.B.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

По-арабски эта фраза звучит следующим образом: لا إله إلا الله ("Lā 'ilāha 'illā llāh") (примеч. перев.).

И. Кант называл это Dinge an sich (“вещь в себе”), отличая от Erscheinungen (“вещей как они нам кажутся”) (примеч. перев.).

Платон называл эти идеи εἶδος или ἰδέα (примеч. перев.).

Иоганн Карл Фридрих Цёлльнер (1834-1882) — знаменитый германский астрофизик. Помимо того, что этот учёный внёс неопределимый вклад в астрономию, он проявлял также серьёзный интерес к медиумическим явлениям. Вместе с известным медиумом, д-ром Генри Слейдом, он произвёл обширные исследования в этой области. Разработанная им теория четырёхмерного мира и его обитателей заслуживает гораздо большего внимания, чем она получила на сегодняшний день со стороны учёных. Эксперименты, которые он провёл совместно с д-ром Слейдом, Цёлльнер подробно описал в своей книге “Трансцендентальная физика”. С немецкого языка на английский эта книга была переведена Чарльзом К. Мэсси (Johann Karl Friedrich Zöllner, Transcendental Physics, London, 1880). Кроме того, в журнале “The Theosophist” (vol. 2, February, 1881. P. 95-97) вышла подробная рецензия на неё, написанная Е.П.Б.

Интерес Цёлльнера к проблемам медиумизма был враждебно встречен со стороны некоторых научных кругов, а кое-кто из числа его бывших коллег счёл его исследования простой причудой. Гонения, которым он подвергся, по-видимому, сильно подорвали его здоровье, и он внезапно скончался от удара, сидя прямо за рабочим столом, когда от роду ему было всего 48 лет (см.: H.P. Blavatsky Collected Writings. Vol. V. Some Inquiries Suggested by Mr. Sinnet's "Esoteric Buddhism". Compiler's Notes. P. 266-267) (примеч. перев.).

Девачан и сварга — буддийский и индуистский термины, обозначающие состояние посмертия (примеч. перев.).

Eritis Deus (лат.) — "вы будете как Бог". Это выражение отсылает к Библии (Быт. 3:5) и связано с искушением Евы змеем в Эдемском саду. Там змей говорит Еве: "Eritis sicut dii, scientes bonum et malum", то есть "вы будете, как боги, знающие добро и зло" (примеч. перев.).

С точки зрения деизма, познать Бога можно с помощью ума и наблюдения за природой (примеч. перев.).

Абсолютом в каббале выступает Эйн-Соф, тогда как кетер является лишь его первым проявлением (примеч. перев.).

Оккультное учение признаёт божественное начало в природе. Оно лишь отказывается видеть в Боге конкретную личность, не признаёт его роли как Творца природы и существования вне природы, всего космоса. Эта позиция ясно изложена в ряде теософских произведений. Так, в "Тайной доктрине" Е.П. Блаватская пишет: "Мы отрицаем существование антропоморфного бога монотеистов, но никогда не отрицали божественного начала в природе (с. 499. Примеч. 3) . . . Это не значит, что всякий куст, всякое дерево или всякий камень представляет собой Бога или одного из богов. Наши слова означают лишь то, что каждая частица проявленного материала космоса принадлежит "Богу" и является субстанцией "Бога", какое бы низкое положение та ни занимала в своём циклическом кружении в вечностях нескончаемого становления.

Это означает ещё и то, что всякая такая частичка, взятая сама по себе, и космос, понимаемый как целое, являются лишь одним из аспектов и признаков той мировой Единой Души — которую [оккультная] философия отказывается называть Богом, дабы тем самым не умалить вечные и пронизывающие собою всё корень и эссенцию” (с. 533. Примечание 1) (выделение наше — перев.). А в “Письмах Махатм А.П. Синнетту” мы читаем следующие слова: “Ни наша философия, ни мы сами не верим ни в какое существо по имени “Бог”, тем более в такое, о котором нужно говорить: “Он” да ещё и писать это местоимение с заглавной буквы . . . [М]ы отрицаем существование Бога и как философы, и как буддисты . . . Нам известно о существовании планетарных и иных духовных сущностей, но нам так же хорошо известно и то, что в нашей системе нет такого существа, как Бог — будь он хоть личным, хоть безличным. Парабрахман — это не Бог, а абсолютный непреложный закон. Ишвара же — это лишь следствие авидьи и майи, то есть неведения, порождаемого великой иллюзией. Само слово “Бог” было придумано затем, чтобы с его помощью обозначить некую неведомую причину тех следствий, природу которых человек не понимает” (Письмо № 10) (примеч. перев.).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. IX. Man. The Theosophist, January, 1885. P. 83-84. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “А.В.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Быт. 1:26 (примеч. перев.).

Явная аллюзия на слова послания Иоанна Богослова: “. . . знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг” (Откр. 3: 15-17) (примеч. перев.).

“От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его . . .” (Матф. 11:12) (примеч. перев.).

Таинство (примеч. перев.).

Букв.: “великий труд”. В алхимии под этим термином понимался процесс поиска и обретения “философского камня” или производство золота из обычных металлов (примеч. перев.).

Не являются ли эти слова предвосхищением “принципа наблюдателя”, о котором сегодня так много говорит квантовая механика? (примеч. перев.).

Риши и муни — “мудрецы”. Риши в индуизме — наивысшие мудрецы-провидцы, иерархически занимающие место сразу после богов. Муни — одна из категорий аскетов, упоминаемых в “Ригведе” — “молчальники” (примеч. перев.).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. X. The Two-fold Action of the Law of Karma on the Various Planes. The Theosophist, February, 1885. P. 113-116. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “А.В.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Откр. 3: 15-17 (примеч. перев.).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. XI. Consciousness. The Theosophist, March, 1885. P. 144-145. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “А.В.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Некоторое понимание того, что представляет собой “одическое тело”, можно почерпнуть из “Инструкций эзотерической секции” Е.П. Блаватской (см. Инструкция № 1). Рассказывая о “лучезарном яйце” (хираньягарбхе), то есть о “той невидимой магнитной сфере, в которую облачён каждый человек”, она в своём примечании пишет: “То же самое относится и к животным, растениям и даже минералам. Райхенбах так и не понял до конца того, что узнал через своих сенситивов и ясновидящих. Это одический, а вернее аурический или магнитный флюид, который исходит от человека. Но это ещё и нечто гораздо большее”.

А в “Тайной доктрине” она отмечает следующую важную мысль: “Звук способен даже воскресить человека или животное, “астрально-витальное тело” которого ещё безвозвратно не отрезано от физического при обрыве магнетической (одической) нити” (том I, кн. III. Раздел X. Грядущая сила. С. 555 англ. оригинала). Об “одических (или магнитных) токах”, формирующихся целой чередой волевых актов человека, и об исследованиях барона Райхенбаха в этой области Е.П. Блаватская немало пишет и в своей “Разоблачённой Исиде” (том I, гл. 2, 5, 6, 10 и 11) (примеч. перев.).

H. Zschokke. “Verklaerungen” (“преображения”) (примеч. автора).

Первая публикация: Practical Instructions for Students of Occultism. XII. Ideation. The Theosophist, April, 1885. P. 157-159. Авторство Ф. Гартмана обозначено в конце статьи буквами “А.В.”, что значит “американский буддист” (примеч. перев.).

Report of the Society for Psychological Research [Отчёт Общества психических исследований]. London, 1884 (примеч. автора).

Professor Denton. Soul of Things [“Душа вещей”] (примеч. автора).

W.F. Evans. Mental Cure [“Исцеление ума”] (примеч. автора).

В ментальный контакт. Иначе говоря, как бы настроиться на одну волну с сознанием злоумышленника (примеч. перев.).

Emma Hardinge-Britten. Ghest-Land (примеч. автора).

Justinus Kerner. Seeress of Prevoist [“Ясновидица из Префорста”] (примеч. автора).

David Low, F., R., S. E. — Simple bodies in Chemistry [“Простые тела в химии”] (примеч. автора).

Тела не действуют, если не являются текучими (лат.) (примеч. перев.).

На физический мир (примеч. перев.).

Иов 38:7 (примеч. перев.).